Кандидат партии

Александр Крон

SHOUT
SHARE
IT

- Крон Александр

Крон Александр
Кандидат партии

Александр Александрович Крон

Кандидат партии

Пьеса

в трех действиях

Книга известного советского писателя Александра Крона состоит из двух частей. В первой части представлены пьесы: "Винтовка № 492116", "Трус", "Глубокая разведка", "Офицер флота", "Кандидат партии", "Второе дыхание". Во вторую часть вошли статьи Крона, посвященные театру.

От автора

Эти пьесы написаны давно. Первая - полвека назад, последняя датирована 1956 годом.

С тех пор я больше не писал пьес и уже многие годы пишу только прозу.

Для литератора, вдохнувшего запах театральных кулис еще в школьные годы, переход от драматургии к прозе связан с существенной перестройкой.

Глаз писателя в некоторых отношениях подобен фотообъективу. Для различной натуры существуют разные типы объективов, более того, - одна и та же натура, снятая различными объективами, дает несхожие изображения. Когда прозаик берется за драматургию или, что реже, драматург за прозу, происходит как бы смена объектива.

Когда меня спрашивают, как могло случиться, что драматург, четверть века активно и небезуспешно участвовавший в театральной жизни, так надолго, если не навсегда, от нее отошел, у меня на этот вопрос нет однозначного ответа. Меньше всего мне хочется ссылаться на трудности и огорчения, каких было немало. Еще меньше - возлагать вину на кого-либо или на что-либо от меня независящее.

Одна из причин - хотя и не главная: драматическая форма стала для меня тесна. В послевоенные десятилетия обозначился любопытный процесс: кинофильмы стали длиннее, а спектакли короче. Стало уже нормой, что спектакли идут с одним антрактом или даже совсем без антракта. Появилось множество пьес, рассчитанных на минимальное число участников. Драматурги, писавшие раньше симфонии, стали писать дуэты и трио.

Большинство моих пьес - в четырех актах. В них много эпизодических ролей. Пьесы, несомненно, грешат многословием,

тем не менее сокращать их трудно. От некоторой громоздкости мне, вероятно, уже не избавиться. Не случайно, став прозаиком, я обратился к романной форме, а не к новелле.

Но есть еще одна причина, пожалуй, даже более существенная. Отдавши драматургии четверть века, я обнаружил, что у меня нет близкого мне театрального коллектива, нет театра-единомышленника, где режиссура была бы заинтересована не в случайных контактах, а во мне как в равноправном участнике общего дела. Я достиг к тому времени возраста, когда уже становится утомительным ощущать себя вечным дебютантом и лишний раз убеждаться, что твоя пьеса лишь повод для спектакля.

У моего покойного друга, драматурга и театрального критика Леонида Антоновича Малюгина, есть книга с программным названием - "Театр начинается с литературы". Я полностью разделяю его убеждение. Вопреки мнению многих театральных деятелей, я не считаю пьесу полуфабрикатом. В отличие от пищевых полуфабрикатов, несъедобных без дополнительной обработки, пьеса самостоятельное произведение, предназначенное для театра, но существующее и вне театральных подмостков. Не называем же мы полуфабрикатами сонаты и симфонии, хотя чтение нот - умение сравнительно редкое, требующее специального образования. Читать пьесы значительно легче, и за последние десятилетия заметно возросло число людей, не только любящих, но и умеющих читать драматургию, выработавших на основе своего культурного опыта своеобразную стереоскопичность видения, позволяющую им разыгрывать спектакли наедине с автором. Об этом говорят возросшие тиражи пьес и киносценариев. Многие прозаики охотно включают в свои сборники наряду с повестями и рассказами киноповести и радиопьесы; все чаще печатаются пьесы в журналах, вышли из печати и разошлись несколько многотомных антологий. Рассчитаны все эти издания в основном на читающую публику, театры по традиции предпочитают машинописные экземпляры или стеклографические оттиски.

Почти одновременно с этой книгой в издательстве "Художественная литература" выходит в свет двухтомное собрание моих сочинений. Только проза - романы и очерки. Но мой отчет перед читателями за полвека работы в литературе был бы неполон без избранных пьес и статей о театре. Они составляют как бы дополнительный, третий том. Я включил в него только те пьесы, которые, с моей точки зрения, имеют право на жизнь. Не исключена возможность, что театры еще вернутся к ним, но в основном книга адресована читателям, а вошедшие в нее

немногие статьи делают излишним особое предисловие к пьесам и помогут читателям ближе познакомиться с автором.

Действующие лица

ПРОКОФИЙ АНДРЕЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ.

НИКОЛАЙ ПРОКОФЬЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ, его сын.

ЛЮДМИЛА ПРОКОФЬЕВНА ЛЕОНТЬЕВА, его дочь.

АНАТОЛИЙ АКИМОВИЧ ВОСТРЯКОВ, товарищ Николая.

ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА ЕРМОЛАЕВА, работница, заместитель председателя завкома.

АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ ПЛОТОВЩИКОВ, секретарь парткома.

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ ЧАСТУХИН, главный технолог.

НИНА ПАВЛОВНА ЧАСТУХИНА, его жена, стенографистка.

ЛАРИСА ФЕДОРОВНА ВЕНЦОВА.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КАСАТКИН, заведующий бюро рационализации.

ИНСПЕКТОР КОВАКО.

СТРАЖЕВСКИЙ, инженер-полковник.

ФИЛАТОВА, работница, секретарь цеховой партийной организации.

ГРОМОВА, технический секретарь завкома.

БЕНСКИЙ, дирижер клубного духового оркестра.

Действие происходит в Москве и под Москвой в первые послевоенные годы.

Действие первое

ЛЕТО

Картина первая

Просторная, в три окна, комната в небольшом одноэтажном домике. Домик окружен палисадником и выходит фасадом на загородное шоссе, ведущее к одной из московских застав. Железная дорога проходит поблизости - гудки электрички доносятся отчетливо. В комнате две двери - одна ведет в парадные сенцы, другая - в смежную комнату. Посредине стоит обеденный стол, накрытый цветной клеенкой. У стены - два плоских светлого дерева книжных шкафа, между ними на высокой тумбочке - старинного вида граммофон с трубой. Рядом висит гитара. Под окнами - поближе к свету - помещается громоздкое сооружение, напоминающее одновременно слесарный верстак и письменный стол ученого. Здесь соседствуют слесарные тисочки, миниатюрный токарный станок, несколько радиоприемников, телевизор и множество других предметов, в назначении которых не так легко разобраться.

Над столом - увеличенная фотография, изображающая двух женщин в белых блузках, очень похожих друг на друга. Сквозь чисто вымытые стекла окон видны рослые подсолнухи и ствол молодой рябины. Моросит дождь. За обеденным столом расположилась с книжками и конспектами Людмила Леонтьева. Ей года двадцать три. Часы пробили шесть раз. Людмила оторвалась от книги, взглянула на циферблат, охнула, легко вскочила, бросила на клеенку сложенную скатерть и выбежала. Несколько секунд комната остается пустой. Затем из сеней появляется сухонькая фигурка в костюме табачного цвета, поношенном плаще и капитальных, устаревшего фасона, мокроступах. Вошедшему лет шестьдесят с лишком. Высокий изборожденный лоб, тонкие губы, острый нос. Многозначительно сдвинув брови и демонически усмехаясь, вошедший внимательно оглядывает комнату. Людмила на секунду заглядывает в дверь (в руках у нее горячая сковородка) и, заметив пришедшего, кричит: "Папа! К тебе пришли! Слышишь, папа?.."

На зов появляется Прокофий Андреевич. Лет ему тоже за шестьдесят, он небольшого роста, лицо круглое, свежее, гладко выбритое. Держится скромно, с большим достоинством, очень внимательно слушает, говорит негромко и неторопливо - к слову сказать, это черта семейная. Он в рабочем фартуке, ноги обуты в войлочные туфли, в руках разобранный электрический утюг.

К о в а к о (так зовут вошедшего). Гражданин Леонтьев, не так ли?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Леонтьев, да.

К о в а к о. Уточняю: Леонтьев Прокофий Андреевич, шестидесяти трех лет, уроженец Московской области...

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Города Москвы. Рожден в столице. А позвольте узнать...

К о в а к о. Не торопитесь - сейчас вы все узнаете. (Присел к столу, надел пенсне и вынул из очень потертого портфеля тоненькую папку.) Садитесь, Леонтьев.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Ничего, постою.

К о в а к о. Садитесь, садитесь...

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч (кротко). Да вы обо мне не тревожьтесь - я у себя в доме. Захочу - так ведь, пожалуй, и не спросившись сяду.

К о в а к о. Хм... Вот вы как разговариваете? Смело.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Смелости большой не вижу, да ведь если подумать, то и бояться нам нечего.

К о в а к о. Вы знаете, кто я такой, Леонтьев?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Н-нет, не признаю что-то.

К о в а к о. Я - инспектор Ковако.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч (не понял). Виноват - чего?

К о в а к о. Общественный инспектор финансового отдела районного исполнительного комитета депутатов трудящихся Тихон Аполлинарьевич Ковако. Среди налоговых работников столицы мое скромное имя пользуется некоторой известностью.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Не доводилось слышать. С чем пожаловали, гражданин инспектор?

К о в а к о. Слушайте меня, Леонтьев. Слушайте внимательно. Поговорим начистоту, как взрослые мужчины. Я располагаю неопровержимыми данными, что вы являетесь владельцем незарегистрированной электромеханической мастерской, производящей ремонт бытовых приборов с целью извлечения прибыли, и в силу этого подлежите налоговому обложению, уклонение от какового карается в соответствии со статьями шестидесятой и шестьдесят второй УК РСФСР. Выводы сделайте сами. (Пауза.) Ну-с? Что скажете?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Скажу, что все это одна сплошная глупость.

К о в а к о. Но позвольте...

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Да нет уж, не позволю - я вас не перебивал. Сплошная, повторяю вам, глупость, не стоящая внимания. Только глупый и мог вам такое сказать, а ежели, допустим, вы умный человек, то вам тем более не следует повторять.

К о в а к о. Скажите, Леонтьев, вы знаете, что такое дедуктивный метод?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Н-нет, не слыхал.

К о в а к о. Так я и думал. Что вы держите в руках?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Как что? Утюг.

К о в а к о. Правильно. Утюг. Чей?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Соседкин.

К о в а к о. Правильно. Подчеркиваю - соседкин. Зачем он у вас?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Чиню.

К о в а к о (торжествуя). Вопросов больше не имею.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Напрасно. А то спросили бы. Может, я денег не беру?

К о в а к о. Детские уловки, Леонтьев. Тихон Ковако - старая лисица. Вам не удастся замести следы.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Позвольте, а почему вы со мной так нехорошо разговариваете?

К о в а к о. Изволите обижаться? Стара песня.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Я не обижаюсь нисколько, гражданин инспектор, но желаю вам указать. Приходите в незнакомый дом, еще "здрасте" не сказали, вон даже калошки не потрудились снять, не полюбопытствовали, что за народ здесь проживает и чем он дышит, а сразу, что называется с порога, зачисляете человека в лагерь капитализма. Зачем вы обижаете?

К о в а к о. Что за вздор! Пожалуйста, не учите меня.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Я, гражданин инспектор, вздора сам никогда не говорю и вам не советую. А учить вас - дело совсем не мое, на это есть над вами старшие, я вас не учу, а только разъясняю свою мысль. Мысль же моя состоит в том, что во всяком деле надлежит сперва разобраться и лишь потом действовать. Но не наоборот. Возьмите, к примеру, такой случай: вошли вы сюда не постучавшись, в отсутствие хозяев, трогаете руками разные предметы. Вот я, не разобравшись, возьму да и зашумлю: "держите его, люди добрые, вор ко мне в горницу забрался!" Ну, понятное дело, сбегается народ, кто пошустрее, норовит за ворот взять, волокут всем миром в отделение. Приятно вам это будет?

К о в а к о. Вы шутите, надеюсь?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Не знаю. Пока еще сам не разберу шучу или нет. (Кричит.) Людмила!

К о в а к о (испуганно). Что вы хотите делать?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Посоветоваться желаю с родной дочерью. (Вошедшей Людмиле). Вот послушай, Милка, что гражданин инспектор объясняет. Частники мы с тобой, оказывается. Владельцы. Буржуазия.

Л ю д м и л а (смеется). За что же такая немилость?

К о в а к о. Ваш почтенный папаша утрирует... Разъясняю: кустари в глазах закона...

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Не затрудняйте себя - у меня есть кого спросить. Людмила! Кустари - они кто? К чему принадлежат? Они буржуазия?

Л ю д м и л а. Мелкая, папа.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. А хоть бы и мелкая. Не желаю. Я рабочий человек и ни с кем, кроме как со своим рабочим государством, никаких делов не имею: я на него работаю оно меня кормит. Во мне частного нисколько нет. Я, гражданин инспектор, сорок семь лет на одном заводе и лишь по причине острого суставного ревматизма до юбилея не дотянул. Без дела не сижу, слесарничаю, сирень развожу и в огороде копаюсь, но

никакого извлечения прибыли я у себя не наблюдаю. Мне это ни к чему - я пенсию имею, и сын зарабатывает. Вот я какой человек, а вас я совершенно не знаю, может быть, вы еще и превышаете свои права, а потому покорнейше прошу предъявить свои бумаги.

К о в а к о (пожимая плечами). Ваше право.

Протянул удостоверение. Пока Прокофий Андреевич, надев очки, изучает его, Людмила с интересом рассматривает инспектора. Взгляд ее падает на ноги Ковако.

Л ю д м и л а (всплеснула руками). Вот хорошо! Утром своими руками пол вымыла, а он мне все загваздал. Как же вам не стыдно? Почему вы калоши не сняли?

К о в а к о (смущенно). Я сниму.

Л ю д м и л а. Нет уж, сидите, а то еще хуже натопчете. Сейчас я вам газету подстелю. (Так и сделала.) Теперь сидите и без меня не смейте вставать.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Мила! Поди сюда. Читай. Ну? Он и не инспектор вовсе, а пенсионер - такой же мусорный старикан, как я. Ведь это, выходит, он шарлатан какой-то, Дмитрий-Самозванец? (Ковако, строго.) Что вы за человек? Отвечайте.

К о в а к о (с большим достоинством). Вы хотите знать, что я за человек, Леонтьев? Вы это узнаете. Да, я пенсионер, Леонтьев, инвалид труда. Я начал свою трудовую деятельность сорок девять лет назад в скромной должности писца в управлении косвенных налогов. До Октября жизнь моя была бесцветной и бессмысленной, лишь революция пробудила мое сознание. Весь свой богатый опыт я отдал делу борьбы с эксплуататорскими классами. В годы нэпа мое имя гремело, достаточно напомнить дело нэпманов Маслюкова и Бурмана, дело корсетной мастерской Брие! Передо мной трепетали, любая попытка скрыть свои доходы разбивалась об мое искусство и мою неподкупность. В эпоху реконструкции я вновь нашел себя. В тридцать шестом году, если припомните, в газете "Финансовый работник" появилась статья "Тихон Ковако - гроза нарушителей финансовой дисциплины". В годы Отечественной войны я был инициатором движения по борьбе с разбазариванием промышленных отходов. Вскоре после Победы ослабление сердечной мышцы заставило меня выйти на пенсию, но во внимание к моим заслугам и опыту я и сейчас привлекаюсь, в общественном порядке, для расследования наиболее сложных дел. Вот с кем вы имеете дело, Леонтьев. (Встал.) Вам угодно было назвать меня Лжедмитрием... (Заметив движение Людмилы.) Помню, помню, я с газеты не сойду. Ценю юмор, но не расположен шутить. Я горжусь своей профессией, и в

интересах истины я обличу вас, Леонтьев!

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Стало быть, за свою работу вы денег не берете? Так я вас понял? Почему же вы мне не верите?

К о в а к о. Факты - мое божество. (Жест в сторону рабочего стола.) Не станете же вы утверждать, что все эти предметы являются вашей личной собственностью?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Здесь не моя держава. Вот сын с работы вернется - он вам разъяснит.

Л ю д м и л а. Правда, подождите. Николай всегда в это время обедает. Посидите. (Выбежала.)

К о в а к о. Ну что же - объявим перемирие? Но помните - вы меня ни в чем не убедили. (Разглядывает книжные шкафы.) А вы книжник, оказывается?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. У нас в семье все книжники - и сын и дочь. Основание библиотеке я положил. С девятьсот шестого года по шестнадцатый выписывал "Ниву" со всеми приложениями. Классиков в коленкоровых крышках содержу - сам переплетал.

К о в а к о. Приятно видеть. Скажите, нет ли у вас Габорио? Могу похвастаться: имею "Мир приключений" в комплектах с девятьсот одиннадцатого по двадцать шестой год.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Этого у нас нет.

К о в а к о. Жаль. (Показывая на граммофон.) Увлекаетесь? Старомодная машина.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Вот то-то и оно, что торопитесь судить. Модернизирован - слыхали такое слово? Звук высшей очистки через адаптер. И управляется на расстоянии.

Прокофий Андреевич взял в руки стоящий на столе маленький ящичек, не соединенный проводами с граммофоном. Нажим кнопки - диск граммофона начал вращаться, иголка коснулась пластинки, и в трубе чисто зазвучал великолепный бас: "На земле весь род людской..." Нажим кнопки - все остановилось, голос умолк.

К о в а к о (почтительно). Федор Иванович?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Он. Желаете послушать?

К о в а к о. Хорошо. Но помните - вы меня ни в чем не убедили.

Прокофий Андреевич нажимает кнопку. Опять раздается: "На земле весь род людской..." Где-то рядом резко тормозит мотоцикл. Через несколько секунд появляется Николай Леонтьев. Ему лет двадцать шесть, одет в черный бумажный свитер и суконные черные брюки, на

обшлагах брюк велосипедные зажимы. Не взглянув ни на кого, бросился к окну. Отец окликнул его, но Николай только отмахнулся и прильнул к стеклу. Вновь возникает треск - какой-то мотоциклист на полном ходу пронесся мимо окон дома. И только тогда Николай обернулся. Он по-мальчишески радуется.

Н и к о л а й. Опять промахнулся!

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Кто, Миколушка?

Н и к о л а й. Чудак один из автоинспекции. Он мне еще на прошлой неделе сказал: "Будешь без номера ездить - оштрафую и колымагу твою заберу". И вот заметь: третий раз он за мной на своем "харлее" гонится и каждый раз след теряет.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Ну и возьми номер! Только еще мотоциклетного инспектора здесь не хватает.

Н и к о л а й (удивлен). Батя, да ты никак сердишься? Я бы рад взять не дают. Еще смеются, дьяволы, - это, говорят, не мотоцикл, а драндулет на заре технической мысли. Поезжай с ним за сто километров от Москвы, на проселках коров пугать.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. И правильно. В столице живешь.

Н и к о л а й. Что правильно? Я не спорю - внешний вид у машины еще не отработан. А я считаю так: было бы толково, а красиво - будет. Черти! На заре технической мысли! А почему же он мою колымагу третий раз догнать не может? (С улицы доносится треск мотоцикла. Николай опять прильнул к стеклу.) Обратно покатил. Вот злится-то небось. Ой-ой, остановился... К чему бы это? А-а! Пацанов соседских расспрашивает. Ну нет, брат, ничего они тебе не скажут...

Вошла Людмила с посудой, поставила посуду на стол и неслышно подошла к брату.

Ф-фу... пронесло. Ты что, Милка?

Л ю д м и л а. Что! Ничего. Поцеловать хотела своего братика. Могу?

Н и к о л а й. Скажите, какие нежности. Можешь.

Л ю д м и л а. Дурак. Ну, подойди ко мне теперь...

Н и к о л а й. Человек хочет есть - стало быть, от него чуткости не жди.

Л ю д м и л а. Ах, простите. Разрешите подавать или, может быть, сперва умоетесь?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Погоди, Мила. Микола, послушай-ка... тут гражданин инспектор... он тебя дожидается.

Н и к о л а й. Какой еще инспектор? (Только сейчас заметил Ковако.) Виноват. Здравствуйте. Ко мне? А что, если я все-таки помоюсь? Вся эта операция займет по часам три минуты. Милка,

дай мне... это, ну как его?..

Л ю д м и л а. Что у тебя вид такой ошалелый? Людей не замечаешь, слова забываешь.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Почаще такие гонки устраивать, можно и вовсе в уме повредиться. Ну, что там у нас на заводе? Как дела идут?

Н и к о л а й. На заводе? Такие дела пошли - ой-ой!

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Хорошие?

Н и к о л а й. Как тебе сказать? Непонятно какие. Разные. (Людмиле.) Полотенце - вот что. Сама не могла догадаться?

Вышел, за ним - Людмила.

К о в а к о. Поскольку в моем распоряжении есть три минуты, я хотел бы дослушать пластинку. Но помните - вы меня ни в чем не убедили. Наоборот, я нахожу, что ваш сын заметно не в ладах с законом.

Прокофий Андреевич третий раз нажимает кнопку. Опять раздается "На земле весь род людской...". В этот момент к дому подъезжает автомашина. В дверь постучались, затем, не дожидаясь ответа, врывается Касаткин. Это плотный, добродушного вида человек лет сорока пяти, улыбчивый, суетливый, размашистый. Носит усы и бородку клинышком, одет в темно-серую тройку, не расстается с огромным всегда до отказа набитым портфелем.

К а с а т к и н. "Чтит один кумир презре-е-енный!" Каков голос? Гостей здесь принимают?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Гостям всегда рады, а редкий гость - вдвойне радость. Здравствуй, Николай Иванович.

К а с а т к и н (единым духом, почти без знаков препинания). Здравствуй, родной. Разреши мне, так сказать, без околичностей и долгих слов, а попросту, от души, заключить тебя в дружеские объятия. Давай, старый хрен, поцелуемся. Э, нет, так дело не пойдет; что ты мне нос-то подставляешь, я ведь не японец... Будь здоров, родной, поздравляю тебя. Но-но, не притворяйся, будто не знаешь, с чем... Ох хитрец, ох хитрец, ох скромняга! Я Николашку твоего, тезку моего дорогого, с малых лет знаю, горжусь им и радуюсь за него... А тебя, старик, я люблю. Вот люблю - и все. Уважаю, чту в тебе одного из стаи славных, основоположников, так сказать, ветеранов... Я, конечно, себя с тобой не равняю, но ведь и я на заводе с двадцать шестого, шутка сказать, каждую щель знаю, каждого рабочего по имени-отчеству, живой свидетель роста; между прочим, зимой как раз юбилейная дата подошла, я и забыл, жинка напомнила, и хоть бы поздравил кто, - вот, ей-богу, люди! - ну да ладно, я ведь не честолюбив. Ты не думай, я зря не

похвалю, я на похвалу скуп, ежели мне что не по душе - не постесняюсь сказать, за это меня и не любят некоторые... (К Ковако.) Здорово. Ты откуда? Молчи, знаю, - из бухгалтерии. Я в цехах всех знаю, ну а контору-то похуже, хоть и сам стал по воле партии в некотором роде чиновником, но как был слесаренком, комсой - таким в душе и остался. Здоровье не то, а задор прежний. Как время бежит, ох как время бежит. Кажется, давно ли Колька Касаткин был чумазым фабзайчонком, активистом, заводиловкой, а теперь вот эдакий солидный дядя, бороденка хоть покрась, хоть выброс, седой волос прет - беда; руковожу, понимаешь, ответственнейшим участком, хоть и считается бюро, но на правах отдела, должность по номенклатуре главка, шутка сказать: изобретательство - раз, рацпредложения - два, разработка новых методов - все у меня; диплома нет, вот что подрезает, сколько раз просился на учебу, некем заменить, разве отпустят, - вот, ей-богу, люди! - ну что ж, зато я практик, ближе к массам, доверяют пока, шестой созыв член завкома, шутка сказать... К чему я все это говорю? Забыл, вот история, понимаешь... (Растерянно озирается.) Братцы, в чем была моя мысль? Ага, вот к чему: время! Время, говорю, как бежит!

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Сядь, отдохни. Скажи лучше - в какие ты святцы глядел, что поздравлять меня надумал? До именин моих вроде еще далеко...

К а с а т к и н (сначала удивился, но затем захохотал). Ох хитрец! И глядит святым, будто ничего не ведает. Где Микола? Подать его сюда на расправу! С вас банкет!

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Ты, Николай Иванович, коли шутишь так брось, а коли не шутишь - так говори дело. У меня и так сегодня что-то сердце обрывается.

К а с а т к и н. А ведь и правда - не знает! Неужели Николашка так ничего и не сказал? Вот, ей-богу, характерец! Толя! Ларочка! Что вы так долго копаетесь?

Вошли Анатолий Востряков и Лариса Венцова. Анатолий тридцатилетний атлет, держит себя уверенно. Ларисе тоже около тридцати - высокая, по-спортивному сухощавая, с жестковатым юношеским лицом. Одета в курточку из мягкой кожи, на груди "колодочка", фотоаппарат на ремне. Они очень веселя, в руках свертки, бутылки.

В о с т р я к о в. Прошу извинения за нахальное вторжение... Прокофий Андреевич, милый... (Ставит на пол бутылки и идет к Леонтьеву с распростертыми объятиями.) От полноты сердечных чувств... Счастлив Колька, у него отец, сестра - есть кому порадоваться... Лариса Федоровна, знакомьтесь - это Колькин

батька.

В е н ц о в а (протягивая руку). Поздравляю. У вас замечательный сын.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Замечательного я в нем пока не замечаю что-то, а малый ничего, честный.

К а с а т к и н. Ребятки, а ведь он полностью не в курсе. Прошу слова для краткого сообщения.

В о с т р я к о в. Две минуты!

К а с а т к и н. Не уложусь, Толя.

В о с т р я к о в. Тогда молчи.

К а с а т к и н. Короче и ты не скажешь.

В о с т р я к о в. А я и говорить не буду. Читай, Прокофий Андреевич! (Вытащил из кармана пиджака смятый плакат и развернул.) Читай вслух, с выражением читай!

К а с а т к и н. Ну смотри-ка, сорвал все-таки... Вот, ей-богу, люди!

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. "Молния. Сегодня токари первого прецизионного цеха Н.П.Леонтьев и А.А.Востряков, выполнив за пятилетку по двадцать годовых норм, начали работать в счет пятой послевоенной пятилетки". Так, значит, вы с Миколой теперь в совсем другой пятилетке живете? Или вы там только работаете, а выпивать к нам возвращаетесь? Во всяком случае (рукопожатие), лестно подержаться за ручку.

К а с а т к и н (в восторге). Ох, ехида! Этот - скажет. Остроумный, чертила! Да ты понимаешь ли, Прокофий Андреев, масштаб событий? Министр приезжал, вместе с директором заявился в цех, лично благодарил, поздравлял. Я сразу почуял обстановку, сажусь на телефон, звоню: в ЦК Союза - раз, в райком партии - два, в газеты - три, к обеденному перерыву прилетает кинохроника, крутят на пленку... Между прочим, Толя, чуть не забыл: завтра тебя с Колей будут прямо из цеха передавать в эфир.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Куда?

К а с а т к и н. В эфир. Сегодня у меня был человек оттуда. Оставил свой телефон. Куда же я его подевал? Караул, братцы! (Роется в портфеле.)

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Толя, ты человек положительный, растолкуй мне, что он болтает... И откуда у вас шальные деньги? Средь бела дня вино...

В е н ц о в а (осматривает комнату). Как интересно! Востряков, вы молодец, что уговорили меня поехать. (Прокофию Андреевичу.) Не надо тревожиться. Все очень хорошо. Это слава, настоящая слава.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Слава, говорите? А вы,

уважаемая, знаете ли, что такое слава, да еще настоящая?

В е н ц о в а. Ох, даже слишком хорошо. Должность такая.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Значит, не все знаете, а вот вы послушайте старого человека. Когда я был в ваших летах, рабочего человека ежели снимали на карточку, так только для полиции, а в газете про него писали - разве уж под конку угораздит. А все-таки слава у рабочего человека была, и он ею дорожил, потому что добывалась она годами. Живет, скажем, человек на одном месте десяток лет, работает опять же на одном заводе, соседи к нему приглядываются и видят: человек трудящийся, обходительный, слову своему хозяин, не пьяница, ну а если и пьет, то рассудка не теряет, человек общественный, компанейский, не шкура, стало быть, и дело свое порядочно знает. Вот тогда помаленьку начинает идти про человека добрая слава. Она, слава, не громкая, но замечательно прочная, как все, что не наспех сработано. Оно, конечно, приятно, что про нашего брата в газетах печатают, но только доморощенной славой тоже пренебрегать не следует. Не хочу хвалиться, но вот нарочно, хотите в поселке, хотите на заводе, скажите людям, что Прокофий Леонтьев дела своего не знает, или что он частную мастерскую открыл, или что он туркам продался, - так вам засмеются в глаза и скажут, что этого никак не может быть.

В о с т р я к о в. Это уж ты что-то допотопное проповедуешь. Патриархат какой-то...

Вошел Николай с полотенцем на шее, за ним - Людмила с тарелкой супа.

К а с а т к и н. Вот он, беглец! Ах, тезка, опозорил ты меня перед дамой.

В е н ц о в а. Как видите, у меня характер настойчивый. Придется сниматься.

Н и к о л а й (со вздохом). Вижу. Разрешите, я только тарелку супу проглочу. (Сел за стол.) Слушаю вас, товарищ инспектор. Извините меня...

К о в а к о. Нет, это я прошу вас извинить. Произошло печальное недоразумение.

К а с а т к и н. Какое недоразумение?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Да вот гражданин инспектор обличать нас пришел, что мы частники, а налогов не платим...

Общий смех.

К о в а к о. Вы вправе смеяться, товарищи. Я сам смеюсь. (Людмиле.) Если вы предоставите в мое распоряжение еще две старые газеты, я готов немедленно удалиться.

В о с т р я к о в. А я полагаю - не пускать! Пусть выпьет с нами за успех.

К а с а т к и н. Верно, Толя! Не пускать! Что такое? Суп? Отменяется. Тут у нас есть кое-что поинтереснее. Милуша, распорядись-ка, родная. Толя, давай, милый, помоги...

В о с т р я к о в. Здравствуйте, Людмила Прокофьевна.

Л ю д м и л а. Здравствуйте, Анатолий Акимович. Сияете вы как серебряный самовар, - приятно посмотреть.

В о с т р я к о в. Разрешите считать за комплимент?

Л ю д м и л а. Как вам угодно будет. Ты лососину покупал?

В о с т р я к о в. Я.

Л ю д м и л а. Оно и видно. Что же не попросил нарезать?

В о с т р я к о в. Для скорости. (Пауза.) Вы бы хоть поздравили, что ли...

Л ю д м и л а. Поздравляю. Не заносись только.

В о с т р я к о в. Прохладно.

Л ю д м и л а. По погоде.

В о с т р я к о в. Директор - так тот меня обнял, поцеловал...

Л ю д м и л а. Тем более. Куда же мне после директора... Колбасу ты покупал?

В о с т р я к о в. Нет. А что?

Л ю д м и л а. Ничего. Очень хорошая.

В е н ц о в а (подошла к Людмиле). Ваш брат не хочет нас познакомить, но мы обойдемся без него, правда? Венцова.

Л ю д м и л а. Очень приятно. Леонтьева. Вы не подумайте, пожалуйста, что он всегда такой, он у нас мальчик вежливый... Микола, поди сюда, не ходи как потерянный. (Обняла брата за плечи.) Он ведь у нас еще маленький.

Н и к о л а й. Не вяжись, Людмила. Отстань.

Л ю д м и л а. Это он при вас хорохорится. Я же говорю - маленький.

В е н ц о в а. Разве вы старше?

Л ю д м и л а. Когда была жива мама, я была младшая. А теперь приходится быть старшей.

В е н ц о в а. Давно умерла ваша мама?

Л ю д м и л а (тихо). В войну. Летом сорок первого мама с тетей Милой, младшей сестрой, поехали к бабушке под Харьков, а обратно выбраться не смогли, ну и попали под оккупацию. Угнали их в Германию. Мама там и погибла, а тетю Милу в сорок пятом привезли больную. Она сперва хорошо поправилась, а прошлой весной вдруг ей опять хуже стало, слегла и уже больше не встала.

Н и к о л а й. Ну зачем ты, Милка? Ларисе Федоровне это совсем не интересно.

К а с а т к и н (подошел). О чем разговор? (Венцовой.) Я их обеих знал, и Ксению Петровну и Людмилу Петровну - умница

была, а уж красавица, - Милка хороша растет, а покойница лучше была. Эх, нет у меня литературного дара, интересный, понимаешь, роман можно бы написать - и с любовным моментом и на высоком идейном уровне. Вообрази себе, Ларочка, секретарь нашего парткома Алексей Плотовщиков, мой друг, к слову сказать, колоритнейшая фигура, страстно влюбился в ихнюю тетку, два года добивался ответного чувства, покорил сердце, двадцать первого июня - свадьба, двадцать второго - война... Интересный факт: это я ведь их и познакомил. Мила, роднуша, куда же ты?

Л ю д м и л а. Некогда, Николай Иванович. Хозяйство.

В е н ц о в а. Вы очень интересно рассказываете, но боюсь, что сейчас все сядут за стол, и я ничего не успею. Николай Прокофьевич, пожалуйте сюда. Станьте здесь. Так. Теперь возьмите в руки какую-нибудь деталь.

Н и к о л а й. Какую?

В е н ц о в а. Это все равно. Востряков, подите сюда. Станьте рядом. Смотрите не на меня, а на него. На него и немножко на деталь. Как будто вы обсуждаете или спорите. Например, Леонтьев предлагает делать по-своему, а Востряков не согласен. (Востряков смеется.) Не понимаю, что здесь смешного?

Л ю д м и л а. Тяжелую задачу вы ему задали - с Ми-колкой спорить.

К а с а т к и н. Ох, Людмила, поссоришь ты их!

Л ю д м и л а. Я-то не поссорю. Ну а бутылки - я, что ли, открывать буду?

В е н ц о в а. Черт! Свет никуда не годится. Придется с магнием. (Протягивает Ковако магниевую лампу.) Держите.

К о в а к о. Я?

В е н ц о в а. Вы. Выше держите. Востряков, нельзя ли посерьезнее? Так хорошо. (Вспышка магния.) Подождите, сейчас сделаем дубль. Что вас так веселит?

Н и к о л а й. По-моему, у вас затвор не закрылся.

В е н ц о в а. Не может быть. (Рассматривает аппарат, щелкает затвором.)

Н и к о л а й. Дать отвертку?

В е н ц о в а. Как просто! Здесь ужасно сложный затвор - придется завтра ехать к мастеру.

Н и к о л а й. Дайте-ка сюда аппарат.

В е н ц о в а. Умоляю - осторожнее. Это ведь "Контакс".

Н и к о л а й. Ну и что? (Разбирает аппарат.) Толя, дай кусочек замши. Вон в ящике...

В е н ц о в а. Вы знаете "Контакс"?

Н и к о л а й. Сейчас будем знать.

К дому подъехала машина.

Л ю д м и л а. Товарищи, прошу... Извините, что по-студенчески...

К а с а т к и н. Внимание! Кажется, Алексей Плотовщиков пожаловал. Я ему сегодня при людях говорю: Алексей, ты, конечно, большой человек, но отрываешься, ох, отрываешься!.. Давай, говорю, родной, заедем к старику.

Вошли Плотовщиков и Частухин. Плотовщикову около пятидесяти, рослый, ходит легко, чувствуется сила. Лицо с резкими, крупными чертами, угрюмоватое и насмешливое, лицо страстного человека. Мощный голос. Частухину лет сорок пять; он худ, сутуловат, некрасив, но в лице угадывается ум, доброта. Очень мягкая манера говорить.

П л о т о в щ и к о в (Касаткину). Ты что тут про меня болтаешь? (Всем.) Здравствуйте! (Частухину.) Заходи, Вячеслав, не стесняйся, здесь все свои. Здравствуй, Прокофий Андреевич. Давно я у тебя не был.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. С прошлой весны. Я и то думаю: загордился или, может, рассердился на что?..

П л о т о в щ и к о в. Положим, ты этого не думаешь, не так глуп. Так что нечего зря и говорить. Трудно мне было к тебе ходить... (Взглянул на портрет.) Увеличивать отдавал?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Нет, это Микола, сам.

П л о т о в щ и к о в. Мила, поди сюда. До чего же ты на свою покойную тетку стала похожа... Ну, ладно. Мальчики-то, а? Коля - Толя? Вот тебе и Коля! Счастливый ты человек, Прокофий. Завидую. Оба мы с тобой вдовцы, но у тебя - дети. И хорошие дети. (Оглядывается.) Смотрите-ка, у них тут пир горой. Вячеслав Алексеевич, мы с тобой по бокалу шампанского выпьем, я полагаю?

Ч а с т у х и н. Я-то выпью. А ты не будешь.

Л ю д м и л а. Товарищи, ну что же это такое? Торопили-торопили, а теперь все расползлись. Папа! Толя! Дядя Леша! (Пытающемуся ускользнуть Ковако.) Товарищ инспектор, назад! Я не разрешаю.

К а с а т к и н (в упоении). Правильно, Людмилочка, так их!.. Прошу всех поднять бокалы! Разрешите мне...

П л о т о в щ и к о в. Ставьте бокалы, друзья. Это - надолго.

К а с а т к и н. Алексей Георгиевич, не зажимай, брат! Я и тебя не побоюсь. У меня душа ликует, я должен высказаться.

В о с т р я к о в. Две минуты!

К а с а т к и н. Не уложусь. Эх ты, Толя! Брут ты после этого. Вот, ей-богу, люди! Итак, я предлагаю выпить за наших молодых

товарищей, новаторов, скоростников-универсалов, добившихся следующих показателей... Братцы, караул! (Роется в портфеле.)

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Погряз, Николай Иванович.

Н и к о л а й. Николай Иванович, есть охота!

К а с а т к и н (вытащил смятый лист). Вот. Нет, не то...

П л о т о в щ и к о в. Знаем показатели. Валяй дальше.

К а с а т к и н. Пожелаем же, товарищи, нашему дорогому Коле и не менее дорогому Толе, чтоб их имена прогремели на весь Советский Союз, чтоб они вышли в большие люди, в министры, в депутаты, в лауреаты, чтоб они прославили и себя и наш завод...

В о с т р я к о в. Регламент!

К а с а т к и н. Пожелаем же... Ну вот, перебили. В чем была моя мысль? Ну вот - теперь забыл.

П л о т о в щ и к о в. Потом вспомнишь. Выпили, братцы.

Чокаются, пьют.

К а с а т к и н. Прошу налить по второй. Закусывайте, товарищи, не стесняйтесь. Алексей Георгиевич, родной, разреши я тебе налью...

Ч а с т у х и н. Нет, он больше пить не будет.

П л о т о в щ и к о в. Кто тебе это сказал?

Ч а с т у х и н. Хочешь опять нагнать давление? Пей. Я все Нине скажу.

П л о т о в щ и к о в. Ладно, отстань. Не буду. Никого так не боюсь, как твою Нину Павловну.

Ч а с т у х и н. А я - ни капельки. Что?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Разрешите мне сказать.

К а с а т к и н (вопит). Тише, тише!..

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Спасибо вам, дорогие товарищи, что пришли порадоваться нашей радости. Спасибо вам за сына. А тебе, Микола, вот мой завет: люби свой завод, держись за него, завод тебе еще нескоро тесен станет.

П л о т о в щ и к о в. Хорошо, очень хорошо. Люблю старика.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. И - не спеши. Николай Иванович тебя в министры прочит, а ты - не торопись. Министров много не требуется, на мильон людей одного хватает, и есть из кого выбрать. Это дело беспокойное, глубокого ума требует, как посмотришь - не всякий к нему призвание имеет, а знающему рабочему везде почет, на него цена не падает. (Снял с полки "пробу" - сверкающий стальной куб, приложил угольник.) Вот. Куб - он всегда и есть куб. Против этого не поспоришь.

Ч а с т у х и н. Поспорю.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Любопытно.

Ч а с т у х и н. Дайте посмотреть. (Взял куб, приложил

угольник, взглянул на просвет.) Идеально. Но точность - от силы пять соток, а ваш сын давно уже ведет счет на микроны. Приходите ко мне в лабораторию, и я докажу вам, что это не куб.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Не куб? А что же это?

Ч а с т у х и н. Неправильный шестигранник.

В о с т р я к о в (хохочет). Убил! Что, Андреич? Отстаешь от жизни.

П л о т о в щ и к о в. Смотри-ка, Прокофий. Именинник-то? Уже по плечу тебя хлопает.

В о с т р я к о в. Я - по-дружески...

П л о т о в щ и к о в. Помоложе дружка не нашел? (Улыбнулся, поднял бокал.) Будьте здоровы, ребята.

Подъехала еще машина. В дверях появилась Вера Ермолаева. Лет ей примерно столько же, сколько Николаю. Она подвижная, темпераментная. Горячий блеск глаз, звонкий голос. Ее встречают восторженно.

В о с т р я к о в. Верочка, иди скорее к нам! Вере шампанского!

В е р а. Тише, девочки! (Дружный хохот.) Тьфу! Так привыкла своими девчонками командовать, что все время забываюсь. Во-первых, я вам не Верочка, а лицо официальное. (Вошла.) Товарищи! По поручению нашей профсоюзной организации... Громова!!

В дверях показалась тщедушная девица, держа в руках огромную корзину цветов.

Ну, куда ты пропала? Что я тебе велела? Как скажу "товарищи!" - так сразу вноси.

Г р о м о в а (виновато). Она тяжелая, Верочка.

В е р а. А шофер на что? Дорогой товарищ Леонтьев, Николай Прокофьевич! Профсоюзная организация горячо поздравляет вас с достигнутыми показателями и желает вам дальнейших успехов на благо нашей Родины. Колечка, голубчик!.. (Поцеловала его.) Это от двух тысяч женщин и девушек нашего завода. На платок, вытри - я тебя накрасила. Толечка, а с тобой я прямо не знаю, как мне быть. Я ведь не знала, что ты здесь будешь, - послала твою корзину на квартиру.

В о с т р я к о в. Ничего. Соседи примут.

В е р а. Нет, нехорошо. С корзиной Филатова поехала, ей поручено тебе речь сказать... Ну, ничего - она тебе завтра скажет, а я тебя поздравляю. (Поцеловала его.) Молодец, Толя, прямо не ожидала от тебя. Прокофий Андреевич, Милуша, поздравляю. Не хочу шампанского - от него зубы ломит, мне послаще чего-нибудь. Громовой налейте. Шоферу не надо, он за баранкой. (Пьет.) Тихо, девочки! Тьфу! Ребята, внеочередное сообщение!

Имеются две пары билетов в академический театр. Пьеса "На дне" Максима Горького. Партер, второй ряд, за счет завкома. Приглашайте барышень - и марш!

В о с т р я к о в. Микола, время! Людмила, одевайся!

Л ю д м и л а. Ну ты - хозяин! "Людмила, одевайся". Может, еще я не захочу с тобой?

В о с т р я к о в. В театр не хочешь?

Л ю д м и л а. Меня братик возьмет. Возьмешь, Миколушка?

Н и к о л а й. Брось ты Тольку дразнить.

Л ю д м и л а. Ладно уж. Я - быстро. (Исчезает.)

Н и к о л а й (Венцовой). Видите, не получается у нас с вами беседы.

В е н ц о в а. Жалко, не хочется откладывать. Если б вы жили в центре мы могли бы встретиться после спектакля.

Н и к о л а й. Слушайте! А если так - поедемте со мной в театр, в антракте перекурим и поговорим, а после закатимся куда-нибудь, где музыка играет. А, Толя?

В о с т р я к о в. Правильно.

Н и к о л а й (Венцовой). Согласны?

В е н ц о в а. С удовольствием. Но...

Н и к о л а й. Вы не думайте, что я таким чучелом поеду - я переоденусь. У меня эта операция хронометрирована - одна минута. (Убежал.)

В е р а (заметно упавшим голосом). Толя, можешь взять мою машину. Я домой на электричке доеду.

Ч а с т у х и н. Мы вас отвезем, Верочка.

В е р а. Нет, нет, вам надо на дачу, а мне в город. Громова, скажи шоферу...

Ч а с т у х и н. Едем, Алексей. Нина ждет обедать.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Просим не забывать. Заходите всегда рады.

Появился Николай, за ним - Людмила.

Л ю д м и л а. В этом галстуке ты не поедешь. Слышишь, Микола?

Н и к о л а й. Почему?

Л ю д м и л а. Потому что не поедешь. Бедный папа, опять мы тебя бросаем.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Ничего. Для нашего брата старика телевизор-то лучше всякого театра. Главное дело - ноги в тепле.

Все уходят. Последним уходит Ковако. В дверях он останавливается и приподнимает шляпу.

К о в а к о. Еще раз - примите благодарность и мои извинения. Инспекция была введена в заблуждение. Поверьте, для

меня вопрос чести - выявить клеветников. Я ухожу, но я еще вернусь, чтобы сообщить вам, что они понесли заслуженную кару. И надеюсь, вы еще раз заведете для меня ту пластинку: "Люди гибнут за металл. Сатана там правит бал!" (Исчезает.)

Картина вторая

Кафе-ресторан под открытым небом на террасе пятнадцатого этажа. Ясная летняя ночь. Ярко горят рубиновые звезды Кремля, и четко различимы обведенные огненным пунктиром очертания высотной стройки. Угловой столик около решетки, ограждающей террасу. За столиком - Людмила и Николай Леонтьевы, Венцова и Востряков. Перед ними - недопитая бутылка вина, фужеры и ваза с пирожными. Невидимый джаз играет вальс.

Н и к о л а й. "Когда труд - удовольствие, жизнь - хороша!" Как он это сказал, а? Я вздрогнул даже... Скажите, Лариса Федоровна, а с вами не бывает так: читаешь хорошую книгу, и вдруг тебя словно током ударит - моя мысль! Моя, только я ее выразить не умел, а вот писатель взял и выточил ее, как деталь из драгоценного сплава, да так, что все точно, ничего лишнего, все сверкает - бери в руки и любуйся... "Ложь - религия рабов и хозяев!" "Правда - бог свободного человека!" Замечательно...

В о с т р я к о в. Тише ты, Микола. На тебя люди оглядываются.

Н и к о л а й. А кому я мешаю? Я трезвый, трезвее тебя.

Л ю д м и л а (Венцовой). По-моему, вам не очень понравилось?

В е н ц о в а. Нет, я люблю этот спектакль, но, честно говоря, он мне немножко надоел. Я видела его, наверно, раз восемь и в лучшем составе. А главное - я до сих пор под впечатлением дня, проведенного в цехе.

В о с т р я к о в. Эка невидаль.

В е н ц о в а. Для вас. А я была потрясена: огромный светлый зал, именно зал, а не цех, умные машины, которые не грохочут, а шелестят, и около них молчаливые люди в белых халатах. Я бывала на операциях у Бурденко и Вишневского, и, знаете, у вас очень похоже на хирургическую.

Н и к о л а й. Обстановка для работы терпимая.

В е н ц о в а. Мне стыдно признаваться, но я все-таки до конца не поняла, в чем суть вашего метода.

Н и к о л а й. Метод - это сильно сказано. Есть кое-какой опыт... Вам разве Толя не рассказывал?

В е н ц о в а. Рассказывал. Но, по-видимому, я очень тупа. Так что придется вам меня просвещать. Не хочется?

Н и к о л а й. Не очень. Сейчас потанцевать бы... или почудить.

Л ю д м и л а. Расскажи, Миколушка, ты же обещал.

Н и к о л а й. Ну ладно - коротко. Суть дела? Как вам известно, наш цех изготовляет детали для точных приборов. Допуски у нас небольшие, часто порядка одного-двух микронов.

В е н ц о в а. Невероятно! Микрон - это ведь сотая доля миллиметра!

Н и к о л а й. Если вам не обидно будет - тысячная. У точности есть много врагов. Грязь, неисправность станка и инструмента отметаем - этих врагов мы побороли. Но вот горе: деталь по официальной технологии проходит больше десятка различных операций, следовательно, должна побывать в десятках рук, на разных станках, ее приходится снимать со станка и наново закреплять - на этом теряется точность, а стало быть, и время. Обычно мы с Толей сводим несколько операций в одну.

В е н ц о в а. Каким образом?

Н и к о л а й. По-разному. Например, изготовляем для себя специальные резцы с несколькими режущими кромками.

В е н ц о в а. Сами изготовляете резцы? Вы же токарь, а не слесарь.

Н и к о л а й. Без этого нельзя. Приходится и лекала делать, и фрезеровать, и нарезать зубья, и шлифовать. Так что правильнее будет сказать: я резчик по металлу. Мы с Толей вдвоем делаем работу десяти-двенадцати рабочих разных специальностей, а вскоре сможем делать то же самое врозь.

В е н ц о в а. Но это же кустарщина!

Н и к о л а й. Как угодно называйте. Только факт налицо - двадцать годовых норм.

В е н ц о в а. И при этом у вас не бывает брака?

Н и к о л а й. Совсем.

В е н ц о в а. Представляю себе, как вас придирчиво контролируют.

Н и к о л а й. Нас совсем не контролируют.

В е н ц о в а. Что за вздор! Почему?

Н и к о л а й. Именно потому, что у нас не бывает брака. Вот. (Вынул из кармана стальной стерженек.)

В е н ц о в а. Что это?

Н и к о л а й. Мое личное клеймо. Ставлю свое клеймо - вот так. (Показывает.) И продукция идет на склад мимо отдела технического контроля.

В е н ц о в а. Удивительно. (Вострякову.) У вас тоже есть такое?

Н и к о л а й. Будет. А пока мы работаем вместе - продукция

идет под одним клеймом.

В е н ц о в а. Последний вопрос. Кто вам устанавливает расценки?

Н и к о л а й. Мы сами.

В е н ц о в а. Вы? Как же вы это делаете?

В о с т р я к о в. Выражаясь научно: органолептическим путем.

В е н ц о в а. Как, как?

Н и к о л а й. Органолептически. При помощи внешних органов. Попросту говоря - на глазок.

В е н ц о в а. Разве это не кустарщина? Почему вы смеетесь?

Л ю д м и л а. Дайте сказать бывшей нормировщице. Очень просто - работа мелкосерийная, если выводить цену из официальной технологии - для завода получится чересчур дорого. С ними спорить трудно - их расценки всегда ниже.

В е н ц о в а. Послушать вас, вы у себя в цехе уже построили коммунизм. Каждому по потребностям...

Н и к о л а й. В том-то и дело, что пока еще не каждому. Есть низкооплачиваемые, многосемейные - живут трудно. А про себя скажу - мне хватает.

В о с т р я к о в (вяло). Ну, заврался. Вот болтология...

В е н ц о в а. Хватает? Понимаю. Вы сыты, хорошо одеты, покупаете книги - но разве это всё? Разве вы можете приобрести комфортабельную квартиру, зимнюю дачу, настоящую машину?..

Н и к о л а й. Нет, пока не могу. А как вы понимаете "каждому по потребностям"? Как в "Сказке про рыбака и рыбку" - захотел дворец из чистого золота - на? С такими рыбаками коммунизма не построишь - по бревнышку растащат. Человек без совести - тот никогда сыт не будет, а если у человека совесть есть - она меру знает.

В о с т р я к о в. Путаешь ты...

Л ю д м и л а. Что такое? Сначала Микола киснул - Толя веселился, теперь братишка разошелся - этот, как туча, мрачен.

В о с т р я к о в. Я не мрачен. Только я считаю, что в ресторане надо пить, есть и танцевать, а для дел есть другое время и другое место.

В е н ц о в а. Не сердитесь, Анатолий Акимович.

В о с т р я к о в. Я не сержусь, а не люблю, когда Микола впадает в телячий восторг и интеллигентщину. "Когда труд - удовольствие, жизнь хороша!" Типично босяцкое рассуждение! Сделай так, чтобы работа мне была приятна... Так все лодыри рассуждают.

Н и к о л а й. Чудак. Ведь мы с тобой сейчас не на дне, а вон куда забрались - на пятнадцатый этаж. В нашей стране...

В о с т р я к о в. Что "в нашей стране"? Что ты меня учишь? Я сам знаю - в нашей стране труд почетен, он есть дело чести, доблести и геройства... И верно - без труда у нас не завоюешь ни власти, ни положения, за свой труд ты можешь иметь и деньги, и моральное удовлетворение, и всякое удовольствие. Но путать одно с другим - не надо. (Встает.) Пошли, Милка.

Л ю д м и л а. Куда?

В о с т р я к о в. Потанцуем.

Л ю д м и л а. Видали? По-хозяйски разговаривает. Нет, Толя, не хочется.

В о с т р я к о в. Что так?

Л ю д м и л а. Интересный разговор. Ну, а как по-твоему?

В о с т р я к о в (садясь). При чем тут - по-моему? При коммунизме стирается грань между городом и деревней, между трудом умственным и физическим, - читали кое-что, разбираемся. А вот насчет стирания граней между трудом и удовольствием - об этом я что-то у классиков марксизма не читал.

В е н ц о в а. А вы как думаете?

В о с т р я к о в. А я думаю - при коммунизме техника до того разовьется, что люди смогут работать не восемь часов, а один час, ну полтора. А остальное время... они будут полностью принадлежать самим себе.

Н и к о л а й. Вот тоска-то! А что это значит - принадлежать самому себе? Пирожные есть? Я вот одно съел - и не хочу больше.

В е н ц о в а. Ого! Ну-ну, любопытно. А как, по-вашему?

Н и к о л а й. А по-моему - при коммунизме не будет труда безрадостного, однообразного, неинтересного, всю такую работу будут делать машины. А человек будет делать только то, что машина не умеет, - думать, творить. И вот поэтому-то я считаю, что люди не смогут работать один час в сутки. Нет, иногда они будут просиживать дни и ночи, забывая есть и пить, чтобы проникнуть в какую-нибудь загадку природы. Только не будут так стареть, сжигать себя на работе, здоровее будут...

Громко вступила музыка.

Л ю д м и л а. Я хочу танцевать.

Все поднялись с мест. Востряков и Людмила уходят,
Николай и Венцова идут за ними, но через несколько
секунд возвращаются.

В е н ц о в а. Нет, я все-таки боюсь оставлять свой аппарат без присмотра. И, если говорить честно, меня не очень привлекает эта толчея под музыку. Давайте лучше разговаривать.

Н и к о л а й. Давайте. Только я боюсь, что вам неинтересно будет.

В е н ц о в а. Как вам не стыдно? Меня никто не заставлял

идти с вами. Кстати, я обещала быть сегодня в Доме кино на юбилее одного режиссера...

Н и к о л а й. И вы не пошли? Из-за меня? Может, вы еще успеете?

В е н ц о в а. Успею, но не поеду. Поверьте, я не много потеряла. Мы еще немножко поболтаем, а затем вы проводите меня домой. Впрочем, может быть, у вас другие планы?

Н и к о л а й (расцвел). Нет, что вы... Наоборот, я сам хотел...

В е н ц о в а. Что хотел?

Н и к о л а й. Проводить.

В е н ц о в а. Вы очень застенчивы, Коля?

Н и к о л а й. Да нет, не сказал бы. Это я только с вами.

В е н ц о в а. Со мной? А мне кажется, что со мной очень просто. Ведь я солдат - всю войну прошла простым сержантом.

Н и к о л а й. Ну, теперь мне только и остается перед вами навытяжку стоять.

В е н ц о в а. Почему?

Н и к о л а й. Я ведь... не воевал. Просился, не пустили. Это во мне как заноза сидит. Я все понимаю: фронт и тыл едины, и так далее. А уговорить себя не могу. Всегда про это помню. Вот вы - женщина - и с боевым орденом, а я здоровый мужик, ручищи-то вон какие - и не дрался.

В е н ц о в а (ласково). Выбросьте это из головы. Значит, так было нужно. Надо думать не о прошлом, а о будущем. Скажите, чего вы добиваетесь в жизни? Кем вы хотите стать?

Н и к о л а й. Кем хочу стать? Как это? Никем я не хочу стать. Я рабочий и хочу быть рабочим.

В е н ц о в а. Какой вздор! Вы умный, талантливый парень, почему бы вам не пойти учиться.

Н и к о л а й. Я учусь. Мы с Людмилой на четвертом курсе технологического. Только она на основном, а я на заочном.

В е н ц о в а. Значит, я права? Было бы глупо, если б вы так и остались простым рабочим.

Н и к о л а й. Чем быть простым инженером, по мне, лучше быть непростым рабочим. Я люблю резать металл, люблю копаться в механизмах. Вы посмотрите на мои руки, они созданы, чтоб делать вещи, отнимите у них работу - они отсохнут. И не люблю я, когда говорят: "Глядите, Иван-то из простых рабочих в люди вышел". А для меня рабочий - первый человек на земле. (Вскочил, подошел к решетке.) Подите сюда. Посмотрите. Все рабочими руками строено. И звезды эти рабочими людьми сработаны. Другие рабочие их на башни подняли, третьи - огонь в них зажгли. Не было бы рабочих - не было бы Москвы. Вы задумайтесь: Кузнецкий мост, Плотников переулок - почему их

так называют? По кузнецам да по плотникам - по предкам моим.

В е н ц о в а (задумчиво.) А вы интересный парень, Коля.

Н и к о л а й. Я?

В е н ц о в а. Вы. И даже очень. Поверьте мне - я кое-что понимаю в людях. (Пауза.) Вы мне очень нравитесь.

Н и к о л а й. Я - вам?

В е н ц о в а. Мне редко кто-нибудь нравится, но, когда это со мной случается, я не боюсь об этом сказать прямо. Если б на нас не глазел вон тот официант, я бы вас поцеловала. Вот что: сейчас мы с вами сбежим отсюда и пойдем бродить по улицам. Идет? Почему вы молчите?

Н и к о л а й. Думаю. Чудно. Жил человек тихо, и вдруг в один день вся жизнь его перевернулась. И хорошо... и - тревожно.

Занавес

Действие второе

ОСЕНЬ

Воскресное утро на даче у Частухиных. Солнечная терраса. Перила заплетены отцветающими настурциями. В плетеном кресле - Нина Павловна Частухина сорокадвухлетняя женщина, не молодящаяся, но моложавая, всегда очень покойная и приветливая. Перед ней - рабочий столик с портативной пишущей машинкой. На ступеньках крыльца, подставив лицо под нежаркие лучи солнца, сидит Венцова в легкой фуфайке и шерстяных спортивных брюках. На коленях полевая сумка, заменяющая ей портфель. Где-то поблизости молодежь играет в волейбол. Доносятся звонкие голоса, визг, смех, судейские свистки и глухие удары по мячу.

Н и н а П а в л о в н а. Лара, очнитесь. Готово.

В е н ц о в а. Как - уже? (Вскочила на ноги.) Нина, вы солнышко, я вас обожаю. Сколько страниц?

Н и н а П а в л о в н а. Пустяки - девять.

В е н ц о в а. Сто семьдесят шесть и девять - сто восемьдесят пять. Шестьдесят фотографий и шестнадцать чертежей.

Н и н а П а в л о в н а. Целая книга.

В е н ц о в а. Ниночка, я просто не знаю, как мне вас благодарить... Это такая наглость с моей стороны...

Н и н а П а в л о в н а. Не болтайте чепухи. Когда книгу издадут, разрешаю купить мне пробный флакон духов. Идите играть в волейбол. Я сейчас отнесу Вячеславу последние шесть страничек и приду на вас посмотреть. Когда вы на площадке - я не в силах оторвать глаз.

В е н ц о в а. Ниночка, милая, не гоните меня. Я лучше посижу с вами можно? Честно говоря, я так волнуюсь...

Н и н а П а в л о в н а. Почему?

В е н ц о в а. Странно, правда? И даже нескромно - ведь метод не мой, книга тоже не моя, и вообще, что я такое - десятая спица в колеснице. И все-таки для меня очень - поверьте, Нина, - очень важно, что нам скажет сегодня Вячеслав Алексеевич, и больше всего на свете я хочу, чтоб нашу книгу напечатали я чтоб мальчики стали лауреатами... Я не могу сейчас всего говорить...

Н и н а П а в л о в н а. И не говорите. Я все прекрасно вижу.

В е н ц о в а. Вы не можете видеть то, чего никто не видит.

Н и н а П а в л о в н а. А почему вы так убеждены, что никто ничего не видит?

В е н ц о в а. Фу, вы меня даже в краску вогнали. (Пауза.) Мы говорим об одном и том же?

Н и н а П а в л о в н а. Мне так кажется.

В е н ц о в а (жест в сторону площадки). О нем?

Н и н а П а в л о в н а. Ну, конечно же, Ларочка.

В е н ц о в а (подбежав, порывисто обняла Нину Павловну). Умница моя! Скажите, Нина, умоляю вас, - только совсем откровенно, - что вы о нем думаете?

Н и н а П а в л о в н а. Ничего не думаю. Просто я его нежно люблю, как, впрочем, и Милку и всю их семью. А с Людмилой Петровной я была очень дружна, она и умерла здесь, на моих руках...

В е н ц о в а. Как я рада, что вы меня не осуждаете. Да, да, да, я старше его на три года, разная среда - разная культура... все это верно, но, в конце концов, мне совершенно наплевать, как я буду выглядеть со стороны. Я ведь не вьющееся растение, я человек независимый, привыкла жить одна, сама себя кормить и одевать - и никому не давать отчета. Так что, вероятнее всего, замуж я за него не пойду...

Н и н а П а в л о в н а (вздохнула и погладила Венцову по волосам). Бедняжка вы...

В е н ц о в а. Почему бедняжка?

Н и н а П а в л о в н а. Потому что все это вы про себя выдумали, так в жизни не бывает. Если уж пошло на откровенность, скажите прямо, что твердо решили выйти замуж за Колю Леонтьева и вообще давно хотите замуж, потому что приспела пора, надоело жить бобылкой, потому что от вашей мужской независимости за версту разит одиночеством. И дай вам бог счастья, хорошего мужа и обязательно детей - без них жизнь не может быть полной. (Пауза.) Вы-то его любите?

В е н ц о в а. Да. А иногда, как подумаю, - н-нет. Ох, разве это можно знать?

Н и н а П а в л о в н а. По-моему, можно. Наверно, я очень

несложная натура, но разбудите меня среди ночи и спросите: "Нина, кого ты любишь?" - я вам так, без запинки, и отрапортую: "Люблю своего мужа Вячеслава Частухина, считаю его самым умным и благородным из всех, кого знаю. И даже самым красивым".

В е н ц о в а. Вы счастливая, вам позавидуешь. Ох, не знаю, способна ли я теперь на такое чувство, - оно слишком дорого обходится. Я ведь очень любила... вы его не знаете, он большой человек, генерал, много старше меня, умница, с изумительной биографией... Мы познакомились перед войной на корте, я тогда работала тренером, а потом мы встретились на Первом Украинском...

Н и н а П а в л о в н а. Где он теперь?

В е н ц о в а. Кажется, в Москве. У него жена, взрослые дети. Я бы для него пошла на все, но он сказал, что не хочет жить двойной жизнью. Он прав, конечно. (У нее на глазах слезы.) Ниночка, поймите меня - я уже отравлена. Я не корыстолюбива, но полюбить человека неяркого, незначительного я уже не могу.

Н и н а П а в л о в н а. Господи, на свете столько интересных людей!

В е н ц о в а. Совсем не так много, поверьте мне. Ниночка, все интересные люди давно женаты, страшные трусы и отвратительно избалованы. Вам смешно?

Н и н а П а в л о в н а (сдерживая смех). Извините меня, Ларочка.

В е н ц о в а. Пусть я тысячу раз эгоистка, но ханжой я никогда не была. Скажу вам честно - когда я увидела Колю, то сразу поняла: этот мальчик и есть тот самый драгоценный сырой материал, из которого в нашей стране делаются министры и депутаты. У Николая отличные данные, но он слишком мягок, его уже начинает эксплуатировать этот Востряков... Думайте обо мне что хотите, но я знаю, уверена: если Николай будет со мной, я сумею его направить, я в пять лет сделаю из него человека. И не беспокойтесь за него ему будет хорошо, авторы всегда любят свои произведения, так что я буду его очень любить.

Н и н а П а в л о в н а. Скажите, Лара, какое у вас образование?

В е н ц о в а. Областной техникум физкультуры. Я не успела получить диплома, потому что...

Н и н а П а в л о в н а. Все ясно. Незаконченное среднее. (Кричит.) Славушка!

В е н ц о в а. Почему вы спросили?

Н и н а П а в л о в н а. Сейчас скажу. (Кричит.) Славка, поди сюда. На минуту.

В дверях появился Частухин. Он в нижней рубашке с засученными рукавами, широченных лиловых в крупную коричневую клетку штанах "гольф" с заплатами на коленях из разноцветной кожи. На лбу зеленый целлулоидовый козырек. В руках - железный совок.

Ч а с т у х и н. Ниночка? (Увидев Венцову, попятился.) Лариса Федоровна, извините...

В е н ц о в а. Вячеслав Алексеевич, милый, не уходите. Дайте на вас полюбоваться.

Ч а с т у х и н. Я вижу - мои штаны произвели на вас неотразимое впечатление.

В е н ц о в а. Да, не скрою. Откуда у вас эта роскошь?

Ч а с т у х и н. Куплены в городе Батуми у механика английского парохода летом тысяча девятьсот двадцать шестого года. Незаменимы при садово-огородных работах.

Н и н а П а в л о в н а. Давно мечтаю выбросить их на помойку. Но Славка не позволяет.

Ч а с т у х и н. И никогда не позволю. Это наша единственная семейная реликвия. Она заслуживает того, чтобы ее хранили под стеклом - в назидание потомству.

Н и н а П а в л о в н а. Ты мерзкий склочник. (Венцовой.) Ладно уж покаюсь. Мой грех - моя покупка. Он сопротивлялся, не хотел носить - я заставила. Теперь он сводит со мной счеты.

В е н ц о в а. Ничего не понимаю.

Ч а с т у х и н. Это потому, что вы не видели нас лет пятнадцать-двадцать назад. Скажу вам по секрету - мы с Ниной были отвратительнейшие пижоны.

В е н ц о в а. Что значит "пижоны"?

Ч а с т у х и н. Как так "что значит"? Пижоны - это пижоны.

В е н ц о в а. Франты? Щеголи?

Ч а с т у х и н. Франты - это еще полбеды. Пижоны - это люди, которые хотят казаться. Ряженые. Пижон - это ряженый пошляк.

В е н ц о в а. И вы были такими? Перестаньте, я никогда не поверю.

Н и н а П а в л о в н а. Уверяю вас, Ларочка. Когда мы поженились, Славка только что окончил институт и был назначен технологом литейного цеха. А я училась на английских курсах, умела болтать о Прусте и Джойсе и очень огорчалась, что люблю такого обыкновенного и ничем не примечательного человека. Мы ходили на премьеры и вернисажи, я лезла из кожи вон, чтоб завести знакомства в артистическом кругу. Знакомым я врала, что мой муж скульптор, и одно время Славка брал уроки лепки у какого-то специалиста по надгробным памятникам.

В е н ц о в а (смеясь). Я не знала за вами таких талантов.

Лепили вы, наверно, плохо.

Ч а с т у х и н. Если бы плохо! Ужасно. Пришлось объявить себя левым это помогло, но не надолго. Я стал плакать по ночам, меня душили кошмары... Глину я месил с отвращением, пока мне не пришло в голову заняться ее лабораторным анализом. В результате я разработал новую рецептуру мелкозернистых глин, применяемых в литейном деле. Это меня спасло - я понял свое призвание. Нинка сначала куксилась и ревновала, а потом сама попросилась на завод. Сколько лет ты уже работаешь, Нинуша?

Н и н а П а в л о в н а. Скоро пятнадцать. Я живая летопись нашего завода. Директор так меня и зовет - Пимен-летописец.

Ч а с т у х и н. "Добру и злу внимая равнодушно...".

Н и н а П а в л о в н а. Ну, нет. Это не в моем характере.

В е н ц о в а (задумчиво). Наш завод... Счастливые люди! Вы мне нравитесь, и я вам завидую, но не умею чувствовать, как вы. Я не люблю своей службы, не любила техникума, в котором училась, даже на фронте я не очень любила свою Двадцать первую армию, почему-то мне казалось, что в соседней, Двадцать второй, лучше. Я северянка - и всегда тоскую по югу. Вероятно, я кукушка...

Ч а с т у х и н (смотрит на часы). Скоро должен приехать Востряков. Ниночка, а где Алексей? Почему он не завтракал?

Н и н а П а в л о в н а. Не знаю. Дети говорят, что у него всю ночь горел свет. Я в отчаянии - если он не будет ложиться вовремя... Вы опять вчера поругались?

Ч а с т у х и н. Ну почему, Ниночка, поругались? Мы поспорили.

В е н ц о в а. Не могу понять вашей дружбы. Редко встречала более непохожих людей. Вячеслав Алексеевич такой мягкий, бесконечно деликатный...

Н и н а П а в л о в н а. Конечно, они очень разные - это совсем не трудно заметить. Но чем больше я их узнаю, тем больше вижу, как они близки и в чем-то самом главном.

Ч а с т у х и н. Вот что: или отдайте мне последние страницы, или я ухожу рассаживать флоксы.

Вошел Плотовщиков. На шее - полотенце, в руках свернутые в трубку листки.

П л о т о в щ и к о в. С добрым утром! (Целует Нине Павловне руку.)

В е н ц о в а. Вот как - вы целуете дамам руки? Никогда бы не подумала.

П л о т о в щ и к о в (пожимая ей руку). Исключения только подтверждают правило.

В е н ц о в а. Нина Павловна - единственное исключение?

П л о т о в щ и к о в. Да, с тех пор, как умерла моя жена, единственное... (Частухину, здороваясь.) Вячеслав, я вчера погорячился...

Ч а с т у х и н. Ну что ты, Алеша, как тебе не стыдно? Тем более что ты был совершенно прав...

П л о т о в щ и к о в. Помолчи. Прав я или не прав - это отдельный разговор. Но форма была хамская. Понятно? Извини.

Ч а с т у х и н. Пустяки.

П л о т о в щ и к о в. Нет, не пустяки. Теперь не гражданская война, пора привыкать к хорошим манерам. А ты мне спускаешь - и напрасно. Это мягкотелость.

Ч а с т у х и н. Знаешь что: мне начинают надоедать разговоры о моей мягкотелости.

Н и н а П а в л о в н а (улыбаясь). Сейчас они опять поссорятся.

П л о т о в щ и к о в. Чтоб проверить себя, я еще раз ночью перечитал твой доклад. И опять повторяю - читается, как утопический роман. И даже лучше, потому что чудеса вполне реальные. (Венцовой.) Судите сами - человек собирается выступать с докладом на открытом собрании. Тема - будущее нашего завода. Чего-чего там только нет: уничтожение производственных шумов, кондиционный климат, круглосуточный дневной свет, автоматика, пневматика... Одного только понять нельзя - где этот завод находится?

В е н ц о в а. Что значит "где"? В каком городе?

П л о т о в щ и к о в. В какой стране. И вообще - во имя чего все это делается? (Частухину.) Что ты молчишь? Я тебя спрашиваю.

Ч а с т у х и н. Но это же так понятно... Короче - в чем ты меня обвиняешь?

П л о т о в щ и к о в. В аполитичности. Рабочий, прослушав твой доклад, должен понять, что автоматизация нужна не для того, чтоб его вытеснить или оболванить, а для того, чтоб его освободить и возвысить. Но в твоем докладе человечьим духом и не пахнет. Не доклад, а какая-то безлюдная пустыня, черт знает что такое...

Ч а с т у х и н. Ну хорошо, я ведь не напрашивался делать этот доклад... Могу и совсем не выступать.

П л о т о в щ и к о в. Если это единственный вывод, который ты сделал из моих слов, значит, я зря сотрясал воздух. (Отдает ему листки.) На. Посмотри еще раз внимательно. Да, чуть не забыл! Ни в коем случае не читай. Люди этого терпеть не могут. С ними надо разговаривать.

Ч а с т у х и н. Алексей, ты с ума сошел! Огромный зал... Ты

же знаешь, какой я оратор.

П л о т о в щ и к о в. Чепуха! Я тоже не Цицерон. Но твердо знаю одно святое правило: если знаешь то, о чем говоришь, и веришь в то, о чем говоришь, - слушать будут.

Ч а с т у х и н. Не знаю, Алеша. Для меня это так трудно...

П л о т о в щ и к о в. Надо сделать над собой усилие.

В е н ц о в а. Господи, наступит ли время, когда можно будет не делать усилий?

П л о т о в щ и к о в. Могу вас успокоить - оно никогда не наступит. Мышцы и в особенности мозги требуют постоянного упражнения, иначе они зарастают жиром и человек становится домашним скотом. Усилие тем и прекрасно, что оно преобразует, оно делает человека сильнее и умнее. (Частухину.) Это еще древние греки хорошо понимали - подтверди, скульптор.

В е н ц о в а. Значит, трудности будут и при коммунизме?

П л о т о в щ и к о в. Не будет трудностей с растительным маслом и шелковой подкладкой. Но проникать в загадки вселенной, писать великие произведения, ставить спортивные рекорды и даже завоевать сердце хорошей женщины будет по-прежнему трудно. И хорошо, что так, - иначе не стоило бы жить. (Пауза.) Пойду посмотрю, как ребята играют. (Уходит.)

Ч а с т у х и н. А я пошел дочитывать последнюю главу. (Тоже уходит.)

В е н ц о в а (смотрит вслед Плотовщикову). Он занятный. Мужчина с головы до пят.

Н и н а П а в л о в н а. Удивительный человек. Вы знаете, до семнадцати лет он едва умел расписываться, а теперь у него за плечами два вуза - инженерный и партийный. При этом участвовал в трех войнах, и весь изранен, проводил коллективизацию на Кубани... Жизнь всегда требовала от него напряжения всех сил, размениваться он не умеет. И любил так же - раз в жизни и на всю жизнь.

В е н ц о в а. Не дай бог иметь его своим врагом. А другом - слишком утомительно. Чего только не приходится от него выслушивать.

Н и н а П а в л о в н а. Милая Ларочка, вам очень недостает именно такого друга.

В е н ц о в а. Как? А вы?

Н и н а П а в л о в н а. Я? Нет. К сожалению - я либералка.

С площадки доносится взрыв смеха и крики: "Автора!"

В е н ц о в а (нервно). Что такое? Кто сейчас кричал "автора"?

Н и н а П а в л о в н а. Это на площадке. Кто-нибудь перебросил мяч через забор. (Уводит Венцову.)

На несколько секунд терраса пустеет. Затем появляются

Востряков и Касаткин. Востряков в дорогом светлом костюме и шелковой рубашке с галстуком. Он заметно

пополнел и стал еще вальяжнее. Касаткин с неизменным портфелем.

В о с т р я к о в. Никого. Все на площадке. Садись.

Оба садятся на ступеньки, снимают пиджаки, развязывают галстуки.

Ф-фу, замучился... Вчера был на встрече знатных людей промышленности с композиторами. Все как полагается: заседание, концертик, потом посидели скромненько... (Зевнул.) Однако до трех утра.

К а с а т к и н. Ты выступал, Толя?

В о с т р я к о в. Заставили. Ну, я им выдал как следует. Жизни, говорю, не знаете, товарищи композиторы, мало бываете в цехах. Приходите, говорю, к нам на завод, я вам покажу наших людей, напишите о них песни, они этого стоят.

К а с а т к и н. Правильно, Толя! Вот, ей-богу, люди! (Расстегивает портфель.) Видал? Газетные вырезки, письма. Рабочие пишут, интересуются вашим опытом.

В о с т р я к о в. Батюшки, когда же я отвечать буду? Вот книга выйдет - пусть читают. (Просматривает вырезки.) Неужели это я? Хм... (Запихнул вырезки и письма обратно в портфель.) Ладно, после разберемся. Когда перевыборы завкомов?

К а с а т к и н. Теперь скоро уже.

В о с т р я к о в. Сергей Афанасьевич не останется?

К а с а т к и н. Нет. В распоряжение ВЦСПС.

В о с т р я к о в. Здорово. Кто же на его место? Верка Ермолаева?

К а с а т к и н. Откажется.

В о с т р я к о в. Почему?

К а с а т к и н. Говорит: не чувствую себя достаточно подготовленной.

В о с т р я к о в. Врет. Что-то не то.

К а с а т к и н. Ты знаешь, что она про меня на днях сказала: давно бы надо выгнать Касаткина из БРИЗа, да администрация его крепко поддерживает. Вот дрянь!

В о с т р я к о в. Скажи пожалуйста! А мне директор вчера говорит: давно бы мы погнали Касаткина, да неудобно - член завкома, раз его массы выбирают, значит, любят или привыкли... Ты, дядя, оказывается, не дурак умеешь...

К а с а т к и н. Как тебе, Толя, не стыдно...

В о с т р я к о в. Я смеюсь. Ты в ЦК Союза был?

К а с а т к и н. Был. Установлена новая должность - инструктор по обмену передовым опытом. Но... предполагают Николаю предложить.

В о с т р я к о в. Да? Ну что ж, я за Миколу рад. Должность с

перспективой. (Помолчал.) Ладно, назначать инструкторов дело не наше, скажи-ка лучше, как ты наш метод продвигаешь? Книгу ждешь? Когда книга выйдет, мы без тебя обойдемся - всякий сам прочитает.

К а с а т к и н. Знаешь, Толя, мне прямо обидно тебя слушать. Вот, ей-богу, люди! - стараешься для них, так они же тебя потом... А кто печать организовал? Радио? Кино? Теперь возьми мероприятия по заводу: цеховые совещания проведены? Листовки в цеха спущены?

В о с т р я к о в. Несолидно работаешь. Все с налету: шум, треск, а на поверку - ничего. Мельчишь, разбрасываешься...

К а с а т к и н (обижен). Что значит - я разбрасываюсь? И так с утра до ночи волчком верчусь. Ты ведь не один у меня.

В о с т р я к о в. Вот, вот. Я правильно говорю - разбрасываешься. А надо так: хватайся за основное звено, остальное пока побоку... Решил нас поднять, так уж сделай дело до конца - подыми как знамя!

К а с а т к и н. А другие предложения, изобретения - бросить? Должен я их продвигать?

В о с т р я к о в. Вот и видно, что ты привык смотреть на все только со своей колокольни. Нету у тебя государственного мышления.

К а с а т к и н. Ах, нету? Так, так... Ну что ж, Толя, поучи.

В о с т р я к о в. И поучу. Ты что же, дядя, думаешь: кроме Алексея Стаханова, во всей стране передовых шахтеров не было? Кто их знает? Хорошо, если десятки тысяч. А Стаханова - весь мир. Что, кроме Зои и краснодонцев, комсомольцы подвигов не совершали? Тысячи. Однако памятники не всем ставят. Сделай вывод.

К а с а т к и н (задумчиво). Растешь ты, Толя, здорово. На глазах. Только вот направления - не пойму.

Нина Павловна за руку ведет с площадки опечаленного Плотовщикова.

Н и н а П а в л о в н а. Нет, не будете играть, не будете. В будни я не могу за вами уследить, но в воскресенье я требую полного отдыха. Поймите вы, дикий человек, что для вас убийственны ваши ночные бдения, что всякое лишнее волнение для вас яд...

П л о т о в щ и к о в (ворчит). Хоть бы мне кто-нибудь объяснил, которое волнение лишнее, а которое - нет. Может быть, мне в отставку прикажете подать? Меня ведь для того и выбирали, чтоб я волновался.

Вбегает запыхавшаяся Вера.

В е р а. Здравствуйте, Нина Павловна. Простите, что без

приглашения...

Н и н а П а в л о в н а. Что случилось, Верочка? Почему вы так бежали?

В е р а. Сама не знаю. К поезду бежала - боялась, что уйдет, а как слезла с поезда, опять побежала - это уж, наверно, по инерции. Алексей Георгиевич, я к тебе по делу.

Н и н а П а в л о в н а. Не понимаю - неужели нельзя потерпеть до завтра? (Плотовщикову.) Ну-ну, хорошо, не смотрите на меня с такой яростью. (Вере.) Только недолго, Верочка, - хорошо?

В е р а. Я - минутку. Только на бороду нажалуюсь. Николай Иванович, прислушайся, чтоб ты потом не говорил, что я тебя за глаза ругаю.

К а с а т к и н (благодушно). А что случилось, Верочка?

В е р а. Ничего не случилось. Чересчур замечательно работаете.

К а с а т к и н. А-а, так, так, понятно. (Вздыхает.) Ну, говори, говори - послушаем.

В е р а. Можешь обижаться сколько угодно - на меня не действует. Я, Николай Иванович, с твоим порочным стилем мириться больше не намерена.

К а с а т к и н. Какой у меня, значит, стиль? Ах, порочный? Ну что же... Стерпим... История рассудит.

В о с т р я к о в. Ермолаева, ты зря словами не бросайся. За них отвечать приходится.

В е р а. Я - отвечу. А тебе, Толя, вот уже не стоило бы заступаться. Я твое же доброе имя защищаю. Тебя девчонки из второго прецизионного просили вечером к ним зайти? Почему ты не был?

В о с т р я к о в. Не мог, потому и не был.

В е р а. Жалко. Полюбовался бы, как ваши методы осваивают. Николай Иванович пропагандирует передовой опыт: радиоузел гремит, все цеха листовками залеплены...

К а с а т к и н. Что же в этом плохого?

В е р а. Плохо, что всё тяп-ляп... Вчера в вечерней смене девочки из бригады Терентьевой инструмент поломали и браку наделали.

К а с а т к и н. Ах, чертовки, подвели! Вот, ей-богу, люди! А ты уже и напугалась? Хочешь без издержек? Нет, голубушка моя...

В е р а. Я напугалась? Нет, дорогой мой, начинать с брака да поломок это плохая пропаганда. Ты вчера после гудка хвать портфель, машину забрал да и укатил в высшие инстанции, а я до полуночи из цеха не вылезала и всякого наслушалась. Теперь ожглись - так знаешь, как заговорили... с подковырочкой.

В о с т р я к о в. А вы, товарищ предзавкома, уже в плену отсталых настроений? Нехорошо.

В е р а. Алексей Георгиевич, ну зачем он так говорит? А председателем ты меня можешь не называть. Я фигура временная, сплю и вижу тот день, когда меня в цех отпустят. Я и заместителем ни за что не останусь.

П л о т о в щ и к о в. Ну, ну. Останусь - не останусь. Ты коммунистка, оставят - так останешься. Дисциплина для вас существует?

В е р а. Существует. Я дисциплины ничуть не хочу отрицать, но ведь надо и меня понять. Раз я чувствую, что выдыхаюсь...

П л о т о в щ и к о в. Что значит - выдыхаюсь?

В е р а. Авторитет кончается - вот что это значит. В сорок третьем году у меня действительно был авторитет: комсомолка - начальник ПВО объекта, двести девок под началом, и каждая тебе в рот смотрит, а тут еще медаль военная за тушение зажигалок - Верочка была на заводе первый человек. Теперь я вас спрашиваю: сколько можно на этом ехать? Сейчас зажигалки не играют, сейчас давай производительность труда, совмещение профессий, экономию, качество... А что я могу дать, если я из каждого квартала по два месяца в завкоме сижу? Что я на сегодня из себя представляю? Ничего решительно. Я уж по тому догадываться стала, что мои девчонки мне дерзить начинают, а я молчу... (На глазах у нее слезы.)

П л о т о в щ и к о в (улыбается). Ну, хорошо, пойдем ко мне, обсудим положение. (Уводит Веру.)

Появился успевший переодеться Частухин. В руках у него большой никелированный поднос.

Ч а с т у х и н. Все в сборе? Чудесно. (Ударяет в поднос, как в гонг.) Здравствуйте, товарищи.

К а с а т к и н. Вячеслав Алексеевич, дорогой... Ну - как? Общее впечатление?

Ч а с т у х и н. Что ты, Николай Иванович? Это ведь не стихи.

Бежит Людмила, вбегает на террасу.

Л ю д м и л а. Здравствуйте... Руки не подаю - грязная...

В о с т р я к о в. Постой. Ты что же вчера не приехала?

Л ю д м и л а. Некогда, Толя. У Миколы в заочном зачетная сессия.

В о с т р я к о в. Жалко. Интересный вечерок был.

Л ю д м и л а. Не жалей, Толя. Я ведь не очень люблю смотреть, как ты красуешься.

В о с т р я к о в. Ты вообще последнее время не любишь на меня смотреть.

Л ю д м и л а. Нет, почему же? Когда в волейбол играешь -

люблю. Смотри, Толя, не отрывайся от нашей команды - у тебя живот растет. (Скрывается внутри дома.)

Идут Николай и Венцова. Николай весел, разгорячен игрой.

В е н ц о в а. Коля, постойте...

Они остановились.

Посмотрите на меня. Что вы улыбаетесь?

Н и к о л а й. Просто так. Смешная игра была. Интересно, почему люди злятся, когда проигрывают?

В е н ц о в а. Господи, он еще весь там! Меня поражает ваше легкомыслие. Неужели вы не понимаете, что от мнения Частухина зависит очень многое - директор ему очень доверяет.

Н и к о л а й. А я еще больше.

В е н ц о в а. Коля, я хочу, чтоб в сегодняшнем разговоре вы вели себя как настоящий мужчина. Вы должны отстаивать свои убеждения, и отстаивать до конца. Помните, что я в вас верю.

Н и к о л а й (сжал ее руку). Спасибо, Ларочка.

В е н ц о в а. За что?

Н и к о л а й. За эти самые слова. Очень ко времени. Я вам сейчас ничего не скажу. Одно обещаю - краснеть за меня не будете.

Поднимается на террасу. Идет с площадки Прокофий Андреевич, принаряженный по-праздничному. Остановился в нерешительности.

Ч а с т у х и н. Прокофий Андреевич, пожалуйте сюда. У нас секретов нет.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Если разрешите...

Прокофий Андреевич поднимается на террасу. Вернулась Людмила. Все рассаживаются. Нина Павловна взяла блокнот и приготовилась стенографировать.

К а с а т к и н. Ох, разгромит! По глазам вижу.

Ч а с т у х и н. Ниночка, право, я не знаю, стоит ли записывать... Впрочем, как хочешь. Итак... начну с некоторых частных замечаний. Книга снабжена большим количеством фотографий, изображающих авторов на различных этапах производственного процесса. Сами по себе фотографии выполнены превосходно...

К а с а т к и н. Ага! Что я говорил? Слышишь, Ларочка?..

В о с т р я к о в. Погоди, Николай Иванович. Не мешай.

Ч а с т у х и н. Боюсь, однако, что познавательная роль их невелика. Кроме того, в таком обилии фотографий есть нечто нескромное и даже отдающее саморекламой.

Н и к о л а й. Верно. Карточки эти - ни к чему.

В о с т р я к о в. Значит, долой? Ну что ж - я не возражаю.

Ч а с т у х и н. А вы, Лариса Федоровна?

В е н ц о в а (пожав плечами). Вы одной фразой зачеркнули мою трехмесячную работу. Но если так нужно для дела - не смею спорить.

Ч а с т у х и н. Второе замечание. Как известно, Николай Прокофьевич и Анатолий Акимович работают совместно. Я берусь доказать следующее: все, что товарищи делают вдвоем, может быть сделано, а многое уже и делалось ими, с равным успехом порознь.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Позвольте мне, Вячеслав Алексеевич, одно только замечание дать. Совершенно правильная ваша мысль - могу подтвердить. Весной Толя выезжал на курорт и Николай один управлялся.

Ч а с т у х и н. Отсюда напрашивается вывод: у нас нет никаких оснований возражать против того, чтоб товарищи работали вместе, но возводить спаренную работу в правило и пропагандировать обезличку, с моей точки зрения, не нужно.

В о с т р я к о в (тихо, Касаткину). Слыхал, как клинья вбивает? Ловок. Для чего это только ему?..

Ч а с т у х и н. Вы что-то хотели сказать, Анатолий Акимович?

В о с т р я к о в. Да нет - молчу. Я потом скажу.

Ч а с т у х и н (Николаю). А вы?

Н и к о л а й. Не знаю, что вам ответить, Вячеслав Алексеевич. У нас с Толей до сих пор недоразумений не было, потому что мы друзья. У нас все общее и все пополам, даже продукцию метим одним клеймом. А если шире посмотреть - так, может, вы и правы.

Ч а с т у х и н. Но все это, повторяю, частности... Перехожу к основному вопросу, вызывающему у меня наибольшие сомнения.

К а с а т к и н. Ты уж не пугай нас, Вячеслав Алексеевич. Что-то ты не того - начал как будто за здравие...

Ч а с т у х и н. В основе книги лежит большой и ценный опыт. Но сумеет ли рабочий применить его, принесет ли книга в том виде, как она есть, реальную пользу? Я в этом не убежден.

К а с а т к и н. Помилосердствуй!

Ч а с т у х и н. В книге подробнейшим образом, с протокольной точностью, шаг за шагом описан процесс изготовления различных деталей. Быстрота и точность вашей работы зависят, с моей точки зрения, от двух решающих факторов - высокой производственной культуры и универсальной подготовки. Высокая культура, талант и знания позволяют вам в каждом отдельном случае находить наиболее эффективное технологическое решение, другими словами - подойти к задаче творчески. Универсальная подготовка позволяет вам совмещать

много разнородных операций. И вот, читая книгу, поневоле приходишь к парадоксальному выводу: рабочему, который не обладает вашей культурой и универсальными навыками, книга не нужна - он не сумеет у вас ничего перенять. Рабочему, который всем этим обладает, она тем более не нужна, - учтите, что вы делаете уникальную работу и ваш опыт не может быть просто скопирован. Нужна не рецептура, а метод, принцип.

К а с а т к и н. Но позволь, Вячеслав Алексеич, родной мой... Но метод же есть?..

Ч а с т у х и н. Милый Николай Иванович, боюсь, что разговор о методе был начат несколько поспешно. Ведь метод - понятие не только техническое, но и идейное, философское, политическое, наконец. Попытайтесь обобщить практику Леонтьева и Вострякова, и вы увидите, что она опрокидывает многие наши привычные понятия, в частности наши представления о разделении труда. Ведь если пойти по их пути, то естественно будет признать, что в ближайшем будущем ведущим на производстве должен стать тип разносторонне подготовленного рабочего-универсала, который вытеснит носителей узкой специальности... Все это очень увлекательно, но ведь на эти вопросы книга никакого ответа не дает, и пусть авторы положа руку на сердце скажут: готовы ли они сейчас к тому, чтоб этот ответ дать?

Н и к о л а й (вскочил). Вот! В самую сердцевину вы попали. Тут, если задуматься, такой узелок завязан... И как подойти - не знаю, я прямо измучился... Вот возьмите - меня некоторые кустарем дразнят. Какой же я кустарь, если я самой передовой техникой владею? Нет, говорят, тебе бы по ювелирной части пойти, а для производства это не нужно...

В о с т р я к о в. Постой, Микола, об этом после... Вячеслав Алексеевич, можно вам вопрос задать?

Ч а с т у х и н. Пожалуйста.

В о с т р я к о в. Простите, конечно, за прямоту... Вот вы старый опытный специалист, мы вам доверяем, сколько раз с вами советовались, - и вы нас не только что не остерегли, а, ежели припомните, поздравляли и шампанское пили за наши успехи. А теперь стоило сороке на хвосте слушок принести, будто какие-то девчонки браку наделали, - и вдруг вас осенило? Неудобно как-то получается...

Ч а с т у х и н (растерянно). Какой слушок? Я ничего не знаю... Мне не очень понятен ваш тон, Анатолий Акимович, но я готов вам отвечать. Да, я старый опытный специалист, но, к сожалению, очень молодой марксист, лишь недавно мне пришлось по-настоящему задуматься о том, какая связь

существует между техникой и идеологией. Не хочу себя оправдывать - у меня и раньше были сомнения, мне казалось, что с разговорами о методе следовало бы повременить, но в тот момент печать уже прогремела и я... побоялся.

В о с т р я к о в. Так. Струсили, значит?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Нехорошо разговариваешь, Анатолий. Грубо.

Ч а с т у х и н. Да, струсил, если нужно, чтоб было произнесено более резкое слово. Скажу больше - здесь проявилась моя отвратительная мягкотелость. Льщу себя надеждой, что в сегодняшнем нашем разговоре я к какой-то мере сумел ее преодолеть.

В о с т р я к о в. Ясно. Так помогите нам, а? Мы-то простаки - нам бы сразу к вам обратиться. Вроде как к руководителю работ. Где двое, там и трое - неужто не потеснимся? Микола, ты как? Ведь не в деньгах дело, главное, людям пользу дать. Вячеслав Алексеевич, у вас уж, наверно, все продумано, что и как обосновать?.. А то ведь сроки на нас жмут, надо, чтоб в этом году вышло... В три недельки не управитесь?

Ч а с т у х и н. Я не понимаю - вы что же... хотите купить мою помощь? Вы берете меня в долю? Я готов вам помогать, давайте искать вместе, причем, конечно, ни о каком соавторстве не может быть и речи... Но поверьте мне: связывать себя определенными сроками нельзя, всякая торопливость в серьезном деле неуместна.

В о с т р я к о в. Так, так. Ну что ж, спасибо вам, товарищ Частухин. Наше рабочее спасибо. Низко кланяемся. Где уж нам с суконным рылом книги писать. Хоть вы и в партию вступили, а, видно, старое-то в вас еще крепко сидит. Только ведь мы не из пугливых. И без вас дорогу найдем. А будете метать - ну тогда уж не обессудьте...

Н и к о л а й. Ты что - с ума спятил?

Ч а с т у х и н. Что же это такое, товарищи? Как он со мной говорит? Я не хочу его слушать. Мне не приходилось выгонять людей из дому, так что вы, пожалуйста, оставайтесь, но разрешите мне уйти... Я так не могу. (В волнении убегает в глубь дома.)

Общая растерянность.

К а с а т к и н. Ребятки, ну как так можно? Вот, ей-богу, люди! - не умеют говорить спокойно.

Н и к о л а й (встал, говорит очень тихо). Ну вот что, Толя, иди, проси прощенья.

В о с т р и к о в. Ты - не командуй.

Н и к о л а й. Иди, иди. Скажи: простите меня, дурака. А не простит сразу - еще раз попроси.

В о с т р я к о в. Может, еще на колени стать? Нет, уж это вы простите. Пускай я груб, зато ты чересчур ласков. Вопрос принципиальный. Опорочить метод не дам - драться буду. Ты - как знаешь, а в своей новаторской роли недооценивать не позволю!

Н и к о л а й. А я тебе говорю - иди. Скажи спасибо за науку, за правду, за то, что от стыда избавил. Николай Иваныч!

К а с а т к и н. Слушаю, родной.

Н и к о л а й. Давай обратно рукопись. И - кончай шумиху. Поиграли и хватит. Отбой.

К а с а т к и н. Что? Не дам. Хоть дерись - не дам. Шуточное дело возглавили движение, весь мир на нас смотрит, а мы вдруг на попятный? Да это же политический скандал, мы с тобой костей не соберем.

Н и к о л а й. Ничего, переживем. А людей с толку сбивать - это лучше? Я писем получаю что ни день, то больше, - а что отвечать?

К а с а т к и н (в отчаянии). Ребятки! Микола, Толюшка, послушайте меня, я вам дурного не скажу. Ну, мне-то вы верите? Толечка, родной, я тебе прямо скажу - ты погорячился. Вячеслав Алексеевич замечательный человек, честнейший, но он недопонимает. Он сам ученый человек, кандидат наук, у него склад ума теоретический, а мы с тобой люди рабочие, практики, мы не научные труды пишем, а подымаем производительность труда. В указах правительства вот именно говорится... (Роется в портфеле.) "За разработку и широкое внедрение новейших методов..."

Н и к о л а й. Правильно. А метод не разработан, опыт не внедрен. На год работы.

В о с т р я к о в. Год! Маленький ты, что ли? Перехватят идею, а мы останемся в стороне. А приоритет? Я не о себе хлопочу - о заводе.

К а с а т к и н. Коля, голубчик, молчи, не отвечай. И тебя люблю, но ты тоже неправ. Я тебе объясню почему. Потому, что ты смотришь на вопрос со своей, так сказать, сугубо индивидуальной колокольни. А я вижу его с государственной колокольни и торжественно заявляю тебе: Коля, родной, ты не имеешь никакого морального права забирать рукопись. Я тебе поражаюсь, тезка! Пойми: ты - наше знамя.

Н и к о л а й. Что? Какое знамя?

К а с а т к и н. Знамя движения. И я не могу допустить никакого ущерба твоему авторитету, не могу давать пищу отсталым элементам... Поверь: мне с государственной точки зрения виднее...

Н и к о л а й. Знаешь что, Николай Иванович? Брось звонить. Ты, конечно, ответственный товарищ, но ведь я тоже не лавочку держу. Почему это ты можешь государственно мыслить, а я не могу? Почему ты знаешь, чего хочет государство, а я не знаю? А я вот чувствую, что не ты прав, а я. А раз я прав - стало быть, я говорю от имени государства, а не ты.

В о с т р я к о в (ехидно). Кажется, французский король Людовик этак говорил: "Государство - это я".

Н и к о л а й. Не знаю, почему он так говорил, а я, слава богу, не король - я за свои слова отвечаю.

Л ю д м и л а. Знаешь, Толя, был еще другой Людовик, похуже. Тот говорил: "После меня - хоть потоп".

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Верно, Милка! Был такой, только вот я его номер позабыл. Не ему ли, в аккурат, башку-то оттяпали?

В о с т р я к о в. Понятно. Семейство Леонтьевых выступает единым фронтом. Знаете что, Людмила Прокофьевна, давайте поговорим начистоту. Я вашими намеками сыт по горло.

Л ю д м и л а. Намеками?

В о с т р я к о в. Да. Я себя с Миколой не думаю равнять, но из милости состоять при их особе я тоже не желаю. Я себе цену знаю, и не будь меня еще неизвестно, как бы дело обернулось, ржавел бы он, как чудак, в неизвестности... (Николаю.) Отбой бьешь? А меня ты спросил? На меня ты плюешь, ладно - Лару все-таки не грех бы спросить, она книгу-то писала.

Н и к о л а й. Что ты о Ларе беспокоишься? Скажи ему, Лара.

В е н ц о в а. Я не хотела говорить при всех... Я не оправдываю грубости Анатолия, но мне она кажется более понятной и простительной, чем ваша растерянность при первом же натиске. Вы вели себя, как тряпка.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч (тихо). Та-ак. Из знамен да в тряпки. Скоро.

Н и к о л а й (Венцовой). Так? Ну, ладно, с вами у меня отдельный разговор будет, а вот Толе я отвечу. Слышали, как он заговорил? Меня, мол, не спросили. Верно, нехорошо. Это ведь оттого, Толя, что до сей поры ты со мной не часто спорил, - поневоле избалуешься.

К а с а т к и н. Коля, родной, вот за это хвалю - самокритично подходишь. Ребятки, помиритесь...

Н и к о л а й. Это плохо, когда люди не спорят. Зато как заспорили все вдребезги. Ну что ж, дело поправимое - мы не наглухо склепаны, разойдемся без аварий. Делить нам нечего, разве что славу делить захочешь, так и тут недоразумений у нас не будет - забирай хоть всю, а я, признаться, сыт. Я тебе не

препятствую: выступай с речами, снимайся в фас и в профиль, хочешь книгу печатать - вали, только чур за одной своей подписью.

В е н ц о в а. Вы с ума сошли, Коля? А как же вы?

Н и к о л а й. А я, Ларочка, устал от шумного света - и с завтрашнего дня возвращаюсь в исходное положение. Отработал смену - и домой. Заходите, если не скучно с простым рабочим, - адрес прежний. А то выходите за меня замуж, Лара? Зарабатываю прилично, во хмелю смирен, только вот что в знатные не вышел.

В о с т р я к о в. Ну ладно. Пора кончать... (Вскочил и быстрыми шагами вошел внутрь дачи.)

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Не расстраивайся, Микола. Будем жить, как прежде жили. От цирка этого подальше - оно даже лучше.

Л ю д м и л а. Перестань, папа. Ты опять за свое? (Подошла к брату.) Мы с тобой к экзаменам будем готовиться, верно, Миколушка?

К а с а т к и н (прислушивается). Пошел все-таки. Не выдержал. Уговорил я его. Вот, ей-богу, люди! Шумят, нервничают, а чего? Сами не знают.

Н и н а П а в л о в н а (перестала стенографировать, встала и тоже прислушалась). Товарищи, до сих пор я ни во что не вмешивалась, даже когда Востряков оскорблял моего мужа. Но я решительно требую, чтобы Алексея Георгиевича оставили в покое. Скажите Вострякову, чтоб он не смел к нему ходить.

Но уже поздно, в дверях появился Плотовщиков. За его спиной - Востряков.

П л о т о в щ и к о в (отыскал глазами Николая). То, что мне сейчас сказали, - правда?

Н и к о л а й. Правда.

П л о т о в щ и к о в. Как хорошо! Прямо диву даешься: рабочий, кандидат в члены великой партии большевиков, новатор производства, через пятилетки шагает, а чуть погладили его против шерсти - он и скис: "Ничего не хочу, ничего не желаю - отработал смену - и домой!" Такой скромный, такой простой... Только меня не проведешь. Бывает скромность паче гордости, простота хуже воровства. (Старику.) Это ты парня мутишь, я тебя насквозь вижу... (Николаю.) Ты брось фокусы. Незаменимых нет. Я ведь не погляжу, что мы в свойстве...

Н и к о л а й. Знаете что, Алексей Георгиевич? Вы думайте про меня что хотите, а голоса не повышайте - понятно вам? Я вас очень уважаю, но я сегодня выходной - и не желаю.

П л о т о в щ и к о в. Ловко! Что же, по воскресеньям твоя коммунистическая совесть спит? А еще хочешь быть членом

партии! А ты знаешь, что такое коммунист? Настоящий коммунист - это человек, который в коммунистическом Завтра был, видел счастливую гармоническую жизнь на земле, прикоснулся уже к этой жизни... Что смотришь, думаешь, я заговариваться стал? В мыслях своих переносился, внутренним взором видел, сердцем прикоснулся. И отпущен он оттуда на короткий срок, для того чтоб рассказать о ней людям, сказать, что близко она, и дорогу указать. А придется с боями идти - биться в первом ряду, вдохновлять и вести, жизнь положить, если надо... Я в тебя, как в родного сына, верил, думал: ты - настоящий, а ты... (Пошатываясь, уходит.)

Пауза.

Нина Павловна (Анатолию). Зачем вы это сделали? Что вы ему наговорили?

Вострикова. Сказал, что было.

Нина Павловна. Проверю. Имейте в виду - у меня записано каждое слово, сказанное здесь. С сегодняшнего дня я очень переменила свое мнение о вас.

Вбегает Вера.

Вера. Товарищи, что тут у вас было? Алексею Георгиевичу плохо.

Все бросаются в комнаты.

Занавес

Действие третье

ЗИМА

Картина первая

Знакомая по первому действию комната в домике на шоссе. Неяркий свет висящей над столом электрической лампы. На столе - накрытый салфеткой ужин, стакан с блюдцем и термос. Людмила сидит, завернувшись в вязании платок, и, перебирая струны гитары, вполголоса напевает. Из соседней комнаты выглянул Прокофий Андреевич. Он в очках, в руках книга.

Прокофий Андреевич. Который час?

Людмила (не оборачиваясь). Одиннадцатый в начале. Ты бы лег, папа.

Прокофий Андреевич. Да нет уж, подожду. (Позевывает.) Ишь, как вызвездило. Завтра морозец будет.

Людмила. Почему ты думаешь?

Прокофий Андреевич. Не думаю, а знаю. Ты что поешь, Милка?

Людмила. Это старинное. В "Бесприданнице" поют.

Прокофий Андреевич. Хорошо. Сюжет не так чтоб веселый, а мелодия хороша. (Ушел.)

Людмила, задумавшись, перебирает струны, затем опять запела.

В дверях появляется Востряков. Остановился, слушает.

Л ю д м и л а (оборвала пение, улыбнулась). Миколушка...

В о с т р я к о в. Нет, это я, Мила.

Л ю д м и л а (вскрикнув, обернулась). Ох, как ты меня перепугал. Разве можно так?

В о с т р я к о в. Почему дверь не заперта?

Л ю д м и л а. Николая еще дома нет.

В о с т р я к о в. А где он?

Л ю д м и л а. Где же ему быть? На заводе.

В о с т р я к о в. В вечернюю работает?

Л ю д м и л а. Нет, с утра не приезжал.

В о с т р я к о в. Войти не приглашаешь?

Л ю д м и л а. Заходи. Только ноги обмети получше.

В о с т р я к о в (обмел веником ноги, снял пальто, вошел. Оглядывается). Все как будто по-прежнему?

Л ю д м и л а. Как будто.

В о с т р я к о в. Отец здоров?

Л ю д м и л а. Спасибо.

В о с т р я к о в. Что это я хотел тебя спросить? Алексей Георгиевич на работу вышел?

Л ю д м и л а. Не слыхала.

В о с т р я к о в. Понятно. Значит, все по-прежнему.

Л ю д м и л а. Выходит так. А у тебя? Все в ЦК Союза работаешь? Инструктором, кажется?

В о с т р я к о в. Нет, подымай выше. Теперь на орготделе сижу. Временно исполняющим.

Л ю д м и л а. Ну, что ж, хорошо. И сам начальник, и к высшему начальству близко, и пешком ходить не надо.

В о с т р я к о в. Злая вы стали, Людмила Прокофьевна.

Л ю д м и л а. Ты меня доброй не видел.

В о с т р я к о в. Это верно. Я к тебе всей душой, а ты - эх! Только мучила меня. А зачем?

Л ю д м и л а. Зачем? Когда мучила - не знала зачем, иной раз сама удивлялась, какой бес меня за веревочку дергает. И жалко тебя станет, и прощенья хочется просить. А вот теперь знаю. А затем, Толя, что нравился ты мне и полюбить тебя хотелось, а все-таки сердце мне говорило, что верить тебе нельзя. А ты как думал, почему девушки парней мучают? И хочется полюбить и боязно - вдруг плохой человек? Ума-то столько не нажито, чтоб сразу распознать, а коли понравился парень, недолго и последнего решиться. Вот одна защита и остается - помучить вволю. А сама думаешь: если человек настоящий и меня любит -

он все преодолеет и от этого мне еще больше полюбится, а если плохой, обязательно он себя выдаст, где-нибудь да прорвется... Много я из-за тебя слез пролила, но благодарю свою судьбу, что вовремя опомнилась.

В о с т р я к о в. Мила, неужели ты меня за подлеца считаешь? Что верно, то верно, с Частухиным я тогда нехорошо говорил, признаю. А перед Миколой я чист. Знаю, поговаривают, будто я ему дорогу перебежал, только это неверно, Микола все равно бы отказался, а я его не порочил, жизнью тебе клянусь...

Л ю д м и л а. Не клянись, я тебе, пожалуй, и без клятвы поверю. Только много ли мне радости от того, что ты не жулик? А человек ты мне все равно чужой, и доверия настоящего у меня к тебе нет.

В о с т р я к о в. Так. Нет, значит, доверия?

Л ю д м и л а. Нет.

В о с т р я к о в. Как это понимать? Личного доверия нет... или, может быть, политического?

Л ю д м и л а. Человеческого. А если хочешь, то и политического. Это ведь одно и то же.

В о с т р я к о в. Любопытное заявление. Что же я, по-твоему, враг Советской власти? Хочу восстановления капитализма? Так? Тогда уж будь принципиальной до конца, ведь ты комсомолка: заяви куда следует об известных тебе фактах, докажи...

Л ю д м и л а. Тише, тише, не ершись. Заявлять мне нечего, и доказывать я тебе тоже ничего не обязана. Что хочу, то и говорю, а тебя слушать никто не неволит, хочешь - слушай, а не хочешь - прощай.

В о с т р я к о в. Ну, говори. Послушаем.

Л ю д м и л а. Советской власти ты не враг, да она тебе ничего, кроме хорошего, и не сделала. Капитализм восстанавливать тебе тоже ни к чему, потому что еще неизвестно, как бы он для тебя обернулся. Ну, выбился бы ты в кулачки или старшие приказчики, так ведь это жизнь довольно серая, ты лучшую видел. А человек ты с головой, соображаешь, от тебя не только вред, а и польза может быть, только присматривать за тобой надо хорошенько. И все-таки ты нам чужой.

В о с т р я к о в. Кому это - нам?

Л ю д м и л а. Нам. Мне, отцу, Миколе.

В о с т р я к о в. Ты за Миколу не говори. Кабы не твои старания, мы с Николаем давно поладили бы.

Л ю д м и л а. Нет. Разные вы... во всем.

В о с т р я к о в. Например?

Л ю д м и л а. Да что ни возьми: Микола весь в работе, он без нее дышать не может, а ты, если правду говорить, своими руками

работать не очень-то любишь, тебе больше по душе посматривать да покрикивать. Микола он будущим живет, не своим только будущим, а общим, нашим. А на тебя я смотрю, и думается мне: а зачем тебе, Толя, коммунизм? Тебе и в переходный период неплохо живется, человек ты властный, самолюбивый, а таланта большого нет, ты своего потолка достиг, и тебе сегодняшний день милее завтрашнего. И вот, доказать не умею, а по-женски чувствую, - хоть ты парень и самоуверенный, а в будущее с опаской поглядываешь, как бы тебя по ходу движения не потревожили. И если тебя как следует потревожить, ты ведь и злым можешь быть.

В о с т р я к о в. Ладно. Хорошенького понемножку. Хоть ты и сама сознаешь, что разговор твой безответственный, но всему должна быть мера. Будьте здоровы. (Пошел к двери.)

Л ю д м и л а (не оборачиваясь). Счастливо!

В о с т р я к о в (медленно надел пальто, постоял). Не забудь передать Николаю, чтоб он мне позвонил. Сегодня же.

Л ю д м и л а. Почему так срочно?

В о с т р я к о в. Для его же пользы. Как я ни плох, а пригодиться могу... в трудную минуту.

Л ю д м и л а (тревожно обернулась, но ничего не спросила). Хорошо, передам.

В о с т р я к о в (вздохнул). Н-да... Не за тем я сюда шел, и не того я от тебя ждал... Обидно. Ну, что ж - видно, не судьба.

Л ю д м и л а. А ты что же думал, тебя здесь похвалят? Или пожалеют? Ты не думай, Толя, что я тебя дразню или уколоть хочу. Нет, я тебе правду говорю. Горькую правду, но чистую, она болью сердца очищена.

В о с т р я к о в (постоял в дверях). Больше ничего мне не скажешь?

Молчание.

Так. Ну что ж... (Уходит.)

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч (выглянул). Ушел? Хорошо ты его от нас... наладила. (Помолчал, ожидая ответа.) Ты что, Людмила?.. Никак, плачешь?.. (Подошел, тихонько погладил рыдающую Людмилу.) Ну, поплачь, поплачь...

Слышно, как к дому подкатил мотоцикл. Людмила быстро вытерла заплаканные глаза. Вошел Николай, вид у него усталый и хмурый.

Л ю д м и л а. Миколушка? (Пристально взглянула на него.) Что так поздно?

Н и к о л а й. Почему поздно? Как всегда. (Взял полотенце, ушел мыть руки.)

Отец и Людмила переглянулись.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Нет, что-то у него там неладное приключилось.

Вернулся Николай.

Л ю д м и л а. Проголодался, Миколушка?

Н и к о л а й. Нет, есть не хочу. Чаю только.

Л ю д м и л а. Может, стопочку выпьешь?

Н и к о л а й. Стопки мне мало. (Налил себе чаю из термоса.)

Л ю д м и л а. Как занятия прошли?

Н и к о л а й. Ничего. Неплохо. Главное, что меня радует, - ребята входят во вкус. Ты поглядела бы, как Верка Ермолаева стала тонкую доводку делать. Артистически.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Вячеслав Алексеевич был?

Н и к о л а й. Обязательно. Моя правая рука. На разряд пробу сдавать хочет, честное слово. (Засмеялся.)

Л ю д м и л а. Дверь не взял на засов?

Н и к о л а й. Нет.

Л ю д м и л а. Сиди, я запру.

Н и к о л а й. Не надо. Лара, наверно, заедет. Я звонил, просил передать.

Л ю д м и л а. А что случилось?

Н и к о л а й. Ну вот - обязательно случилось!

Л ю д м и л а. Что я, тебя не знаю?

Н и к о л а й. Не вяжись, Мила. Видишь, человек устал.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. А у нас тут гость был. Пожалуй, не угадаешь.

Н и к о л а й (быстро взглянул на сестру). Анатолий?

Л ю д м и л а. Велел звонить. Дело какое-то срочное.

Н и к о л а й (отмахнулся). И больше ничего?

Л ю д м и л а. И больше ничего.

Н и к о л а й. Врешь. По глазам вижу.

Л ю д м и л а. А чего ради я буду говорить, ты же мне про свое не рассказываешь.

Н и к о л а й. Да нечего рассказывать.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Оставь его, Мила. Вот Лара приедет, он ей все раздоложит, она ему присоветует... А с нами говорить незачем.

Н и к о л а й. Ну ладно. Не хотел я раньше времени. На оборонном предприятии вышел из строя опытный агрегат. А виноват - я!

Картина вторая

Просторная комната на втором этаже заводского клуба, выходящая окнами во двор завода. Сквозь зеркальные стекла окон видны покрытые снегом ветви деревьев и яркие вспышки в расположенном напротив термическом

цехе. Комната окрашена в светлые тона и хорошо освещена. Посредине комнаты стоит длинный стол, накрытый темно-красным сукном. Справа две небольшие обшитые клеенкой двери - это кабинеты секретаря парткома и председателя завкома. Слева большая двустворчатая дверь, выходящая на хоры клубного фойе. Между дверями кабинетов небольшой письменный стол и столик с телефонами - здесь обычно сидит технический секретарь завкома Громова. Над столом в деревянном зажиме писанная трафаретом афиша. Текст: "Открытое партийное собрание прецизионного цеха. Повестка дня: 1) Прием в партию, 2) Доклад главного технолога т.Частухина "Завтрашний день нашего завода". Начало в 7 часов вечера".

Громова собирает со стола газета и журналы, раскладывает листы чистой бумаги и карандаши. За стеной, на хорах, репетирует клубный духовой оркестр. Слышны нестройные звуки марша. Из двери завкома выходит Вера. Садится за стол Громовой и прижимается лицом к настольному стеклу.

В е р а. Ой! Сил моих больше нет...

Г р о м о в а. Устала, Верочка?

В е р а. И устала, и зла, как пес. Мамочка, когда же это кончится? Сергей Афанасьевич все время на пленуме, Алексей Георгиевич меня из завкома не отпускает, а из цеха я сама уходить не хочу. У тебя зеркальце есть?

Г р о м о в а. В сумке возьми.

В е р а (рассматривает себя). Н-да. Незавидная невеста. И обтрепалась стыдно людям показаться. Синий костюм второй месяц в мастерской лежит, и некогда на примерку съездить.

Форте оркестра.

Громова, скажи ты этому Бенскому, чтоб он не зверствовал.

Громова вышла, Вера берет трубку зазвонившего телефона.

З а в к о м. Нет, не Громова. Ермолаева говорит. Здравствуйте, Яков Миронович. Собрание в семь. Сначала прием. Николая Леонтьева из кандидатов в члены. А потом доклад товарища Частухина. Придете? Алексей Георгиевич у себя. Сейчас соединю. (Переключает телефон.)

Входит Бенский - верзила вдохновенного вида во флотской тужурке без погон. Длинные косые бачки, усики. В руках дирижерская палочка. За ним идет Громова.

Б е н с к и й. Я слушаю, Верочка.

В е р а. Что там у тебя происходит?

Б е н с к и й. Разучиваем "Марш новаторов". Задумано исполнить перед началом собрания.

В е р а. Роман, у тебя совесть есть? Сто раз одно и то же. Отдохни.

Б е н с к и й. И повторю еще сто. Верочка, репетициа эст матер студиорум - повторение мать учения. Ты меня знаешь - я не бракодел.

В е р а. А почему так громко?

Б е н с к и й. Так написано в партитуре. "Форте" - это значит "громко".

В е р а. Не надо быть бюрократом. Скажи, Роман, а есть что-нибудь среднее... между "форте" и "пиано"?

Б е н с к и й. Ты имеешь в виду "меццо-форте"?

В е р а. Вот-вот-вот. Товарищ Бенский, заводской комитет категорически предлагает вам придерживаться в своей работе "меццо-форте". И прекратить пререкания. Вы свободны.

Бенский исчезает, через несколько секунд трубные звуки возобновляются, но уже тише.

Сейчас директор звонил Алексею Георгиевичу. Ой, я так переживаю за Миколу...

Г р о м о в а. Неужели отберут личное клеймо?

В е р а. Ничего не знаю. Знаю одно: заказчик вернул бракованную деталь, а на ней стоит Колькино клеймо. И Николая жалко и за завод обидно - такое пятно...

Из своего кабинета вышел Плотовщиков с тоненькой папкой в руке.

П л о т о в щ и к о в. Громова, вызови стенографистку. Вера! Я говорил с директором. У него сейчас находится представитель ЦК профсоюза небезызвестный вам товарищ Востряков Анатолий Акимович. Разбор дела поручается тройке в таком составе: от администрации Частухин, от парткома Филатова, от завкома Ермолаева.

В е р а. Не могли без Ермолаевой?

П л о т о в щ и к о в. Что такое? Ты что - не уверена в своем беспристрастии?

В е р а. Алексей Георгиевич, мне перед тобой скрываться нечего, конечно, я к Коле пристрастна. Только от этого никогда еще интересы дела не страдали, а если кто и страдает, то одна я. А он от меня ни в чем поблажки не видел.

П л о т о в щ и к о в. Неприятная история. Клеймо - от него не отопрешься.

В е р а. Я понимаю. И все-таки мне не верится. Я теперь занимаюсь у него в группе, вижу, как он работает, - нет, не может

он ошибиться.

П л о т о в щ и к о в. Сколько человек у вас в группе?

В е р а. Двенадцать. Все молодежь, пятый-шестой разряд. Занимаемся через день. Тяжеловато, конечно, но все наши очень довольны, и я по себе чувствую - я теперь совсем другой человек. Раньше я работала как заводная, а теперь я умею думать в металле.

П л о т о в щ и к о в. Как, как?

В е р а. Думать в металле. Вячеслав Алексеевич рассказывал нам про какого-то знаменитого скульптора, что он умел думать в мраморе, и Миколе очень понравилось. А мы, говорит, должны научиться думать в металле.

Входят нерешительно Прокофий Андреевич и Людмила.

П л о т о в щ и к о в. Это еще что за явление природы? Зачем пожаловали?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. До сей поры меня на все открытые собрания не только что пускали, а приглашали даже. Это со вчерашнего дня такая перемена?

П л о т о в щ и к о в. На собрание - милости прошу. А здесь вам делать нечего. У нас сейчас совещание начнется.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Про это нам известно.

П л о т о в щ и к о в. Откуда?

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Свет не без добрых людей. Николай Иванович сказал.

П л о т о в щ и к о в. Не без болтливых, скажи, - это вернее будет. Садись, коли уже пришел.

Л ю д м и л а. Дядя Леша, что ж это будет? Неужели это верно... про клеймо?

П л о т о в щ и к о в. Говорят, верно.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч (садясь, бормочет). Ах, стыд какой. Вот позорище-то... Дожил. И ведь говорил я Миколе...

Л ю д м и л а (подошла к Вере). Верочка, голубушка, как же это так?.. Что за деталь такая? Ты хоть ее видела, эту деталь?

В е р а. Нет не видела. Да что толку смотреть, это ведь не кузнец лошадь заковал, простым глазом все равно ничего не увидишь. Ох, Милуша...

Неожиданно для самих себя они обнялись.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. А послушать нам можно, как вы его тут судить будете?

П л о т о в щ и к о в. Нет, нельзя.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Почему же?

П л о т о в щ и к о в. Потому что здесь не дача, и дело это не семейное. А болельщиков тут и без вас хватает. (Пауза.) Там, в фойе, выставка... замечательная выставка. Подите, посмотрите.

П р о к о ф и й А н д р е е в и ч. Спасибо. Ты лучше нас с Милой на самую выставку чучелами поставь. Для обозрения публики. И надпись сделай: "Семья бракодела".

В е р а. Пусть они до собрания у меня в завкоме посидят. Милуша, Прокофий Андреевич, пойдемте. (Уводит их.)

П л о т о в щ и к о в (смотрит на часы). Громова, позвони в лабораторию, пусть поторопятся.

Вошел Востряков. Он стал еще внушительнее, увереннее.

В о с т р я к о в. Алексею Георгиевичу привет. С благополучным выздоровлением.

Здороваются.

П л о т о в щ и к о в. Спасибо. Садись.

В о с т р я к о в. Как самочувствие?

П л о т о в щ и к о в. Здоров, как видишь.

В о с т р я к о в. Долгонько ты хворал. Ты в какой больнице лежал?

П л о т о в щ и к о в. В Боткинской...

В о с т р я к о в. Почему не в Кремлевке?

П л о т о в щ и к о в (помолчав). Лекарства всюду горькие.

В о с т р я к о в. А после больницы... в санатории был?

П л о т о в щ и к о в. В санатории.

В о с т р я к о в. В каком?

П л о т о в щ и к о в. В Перхушкове.

В о с т р я к о в. Это что же - правительственный?

П л о т о в щ и к о в. Нет, подмосковный. Ты что расспрашиваешь лечиться, что ли, собираешься?

В о с т р я к о в. Да понимаешь, сердце что-то пошаливает.

П л о т о в щ и к о в. Рано. Заработался?

В о с т р я к о в. Работы хватает. А тут еще в совет при издательстве ввели, в редколлегию "Юного техника"... Одиннадцать нагрузок.

П л о т о в щ и к о в. Почтенно. Тебя, говорят, в секретари прочат?

В о с т р я к о в. Воля народа. Выберут - отказываться нельзя.

П л о т о в щ и к о в. Повезло тебе, что я захворал. Я бы тебя не отпустил с завода.

В о с т р я к о в. Я сам не хотел уходить. Обстановка так сложилась: Колькина кандидатура отпала - предложили мне, я было уперся - ЦК Союза нажал на партком... Пришлось подчиниться.

П л о т о в щ и к о в. Я и говорю - повезло. (Пауза.) А что с книгой? Забросил?

В о с т р я к о в. Не забросил, а руки не доходят.

П л о т о в щ и к о в. Не ладится без Николая?

В о с т р я к о в. Я пробовал с ним говорить - бесполезно. Характерец! По-человечеству мне его жаль...

П л о т о в щ и к о в. Ну? А ты не жалей.

В о с т р я к о в. Нет, все-таки... Перед самым приемом в члены партии. Нехорошо.

П л о т о в щ и к о в. Чего хорошего.

В о с т р я к о в. Как ты решил - снять вопрос с повестки?

П л о т о в щ и к о в. Не имею права.

В о с т р я к о в. Почему?

П л о т о в щ и к о в. Устав не позволяет. Про демократический централизм слыхал?

В о с т р я к о в. Слыхал. Ну так что ж - централизм же?

П л о т о в щ и к о в. Да, но демократический - вот ведь какая история.

Вошла Филатова, работница лет за тридцать.

Ф и л а т о в а (озабоченно). Начало седьмого, а народу набилось - не продохнуть. Человек семьсот.

П л о т о в щ и к о в. Будет полторы тысячи. Из других цехов придут. Вы что не здороваетесь?

В о с т р я к о в. Мы уже виделись.

П л о т о в щ и к о в. Татьяна Семеновна, Анатолий Акимович интересуется - будет ли бюро отменять свое решение о приеме Леонтьева в члены партии?

Ф и л а т о в а. В партию принимает не бюро, а партийное собрание. Мы Леонтьева рекомендовали. Если мы ошиблись - организация нас поправит.

В о с т р я к о в. На открытом собрании?

Ф и л а т о в а. А мы беспартийных не боимся.

В е р а (вышла из кабинета). Товарищи, в чем же дело? Где Вячеслав Алексеевич?

Ф и л а т о в а. В лаборатории с заказчиком акт составляет.

Вошли Нина Павловна и Венцова. Нина Павловна молча здоровается и раскладывает свои принадлежности.

В е н ц о в а (громко). Добрый вечер! Вера Васильевна, могу я присутствовать на заседании комиссии?

В е р а. А кто вам сказал, что будет заседание?

В е н ц о в а. Николай Иванович.

В е р а. Не знаю, Лариса Федоровна, что вам ответить. Заседание у нас не торжественное, фотосъемок не предвидится.

В е н ц о в а (улыбаясь). Скажите, Вера Васильевна, почему вы со мной всегда так нелюбезны?

В е р а. Я, Лариса Федоровна, обязана быть с вами вежливой. Я с вами вежлива. А любезной быть я не обязана.

П л о т о в щ и к о в. Вера, что ты там ворчишь?

В е р а. Лариса Федоровна просит разрешения присутствовать, а я ей объясняю, что здесь для нее ничего интересного нет.

П л о т о в щ и к о в. Я прошу разрешить.

В е р а (пожимая плечами). Пожалуйста.

Врывается возбужденный Касаткин, с неизменным портфелем. За ним следует инженер-полковник Стражевский, пожилой человек внушительной наружности. За ним идет Частухин, в парадном костюме, с орденом и медалью лауреата. Он несет в руках поднос, прикрытый марлей. Несколько любопытных заглядывают в комнату, но Николай Иванович сразу захлопывает дверь.

К а с а т к и н. Видели, что творится? Аншлаг, как на боевике сезона. Алексей Георгиевич, родной, считаю своим долгом сигнализировать тебе - в народе уже все известно, идут различные толки... Интересно было бы выявить у кого это такой длинный язычок? Вот, ей-богу, люди! (Стрижевскому.) Виноват, полковник, проходи, знакомься с людьми и вообще чувствуй себя как дома.

С т р а ж е в с к и й. Весьма польщен, но позвольте мне чувствовать себя находящимся при исполнении служебных обязанностей. (Щелкнул каблуками и наклонил голову.) Инженер-полковник Стражевский. Кому я должен предъявить документы?

П л о т о в щ и к о в. Плотовщиков. Пройдемте ко мне, товарищ инженер-полковник.

С т р а ж е в с к и й. Я уполномочен ознакомить членов комиссии с актом лабораторного исследования.

П л о т о в щ и к о в. Прошу ко мне, товарищи.

Пропускает в дверь своего кабинета Стражевского, Вострякова, Филатову, Частухина и Веру. Касаткин, поколебавшись, устремляется за ними.

В е н ц о в а (бросается к Нине Павловне). Ниночка, умоляю, - что нам говорил Вячеслав Алексеевич?

Н и н а П а в л о в н а. Клеймо, вероятно, отберут.

В е н ц о в а. Бог с ним, с клеймом. Я боюсь проработки. Он не сказал вам, что же в конце концов решено?

Н и н а П а в л о в н а. По-моему, ничего еще не решено.

В е н ц о в а. Ах, оставьте, Нина, я ведь не девочка. Плотовщиков настроен против Николая, и, будьте покойны, он сумеет продиктовать комиссии любое решение.

Н и н а П а в л о в н а. Лара, я вас очень прошу: не говорите гадостей о моем муже и моих друзьях. Мне это неприятно.

В е н ц о в а. Ниночка, извините, я взволнована и поэтому

резка.

Н и н а П а в л о в н а. При чем здесь резкость?

Вошел Николай Леонтьев. Он в белом рабочем халате и такой же шапочке. Огляделся, снял шапочку, не торопясь пригладил волосы.

Н и к о л а й. Ася, скажи Алексею Георгиевичу, что я пришел.

Громова вошла к Плотовщикову.

Здравствуйте, Нина Павловна.

Н и н а П а в л о в н а. Здравствуйте, Миколушка.

В е н ц о в а. А со мной ты не здороваешься?

Н и к о л а й. Где ты была вчера вечером? Тебе передали, что я звонил?

В е н ц о в а. Ты отлично знаешь, я не привыкла, чтоб у меня требовали отчета, да еще в таком тоне.

Н и к о л а й. Не хочешь отвечать - не надо.

В е н ц о в а (после паузы). Ну, хорошо - сейчас не время ссориться. Я была у Анатолия.

Н и к о л а й. Я так и думал.

В е н ц о в а. Если ты ревнуешь - это глупо. Я поехала к нему, чтоб посоветоваться насчет твоих дел.

Н и к о л а й. С ним? Насчет моих дел? Каких моих дел?

В е н ц о в а. Он еще спрашивает! Весь завод знает, что заказчик возвратил бракованную деталь с твоим личным клеймом. Как это некстати, только ты начал опять немножко подниматься...

Н и к о л а й. Сегодня знает весь завод. Но вчера вечером, кроме дирекции и ЦК Союза, об этом никто по знал. Кто же тебе сказал?

Венцова молчит.

Анатолий?

В е н ц о в а. Да.

Н и к о л а й. Скажи, Лара, чем я тебя обидел? Неужели я такой грубый, такой подозрительный, такой чужой тебе человек, что мне нельзя говорить правды, а приходится обязательно врать?

В е н ц о в а (смущенно). Мне показалось, что для тебя нужнее...

Н и к о л а й. Для меня вчера было нужнее всего на свете, чтоб ты приехала ко мне. Я хотел, чтоб ты меня отругала, а потом поплакала и утешила... Вот что дорого, а на черта мне твоя дипломатия? (Помолчав.) Да что говорить - когда мне плохо, тебя никогда нет.

В е н ц о в а (расстроена). Да, теперь я сама вижу, что надо было сразу поехать к тебе. Если бы ты позвонил на полчаса раньше...

Н и к о л а й. Если бы... Когда человек любит, ему ничего говорить не надо, он все сам понимает, а если нет - хоть говори, хоть кричи...

В е н ц о в а (быстрым шепотом). Тише, мы не одни. Мы обо всем поговорим потом, и я докажу тебе, что ты ошибаешься. А сейчас ты должен понять, что твое положение очень серьезно. Вчера Анатолий говорил о тебе в доброжелательном тоне, он до сих пор сожалеет о вашей ссоре и очень тебе сочувствует. Но имей в виду - выступать он будет резко, иначе нельзя. Плотовщиков настроен против тебя, и Анатолию неудобно занимать примиренческую позицию. Ты только не задирай никого и не спорь, признавай все, что будут говорить, тогда обойдется: прием в партию отложат, клеймо на год отнимут, - это обидно, но все-таки лучше, чем публичный скандал. Ты все понял?

Н и к о л а й. Понял, да.

В е н ц о в а. У тебя совершенно отсутствующие глаза. Ты все понял?

Н и к о л а й. Все. Нет, вру - ничего не понял. И, наверно, не пойму. Мудрено. Ты иди, Лара, я уж как-нибудь сам... отвечу.

Вернулась Громова. Она ставит на стол накрытый марлей поднос и снимает марлю. На подносе отшлифованная до ослепительного блеска круглая деталь из серебристого металла. Вслед за Громовой вышли из кабинета Вера Ермолаева, Частухин, Филатова, Стражевский, Востряков, Касаткин, Плотовщиков. Первые трое занимают места во главе стола, остальные рассаживаются по его длине.

П л о т о в щ и к о в. Присаживайся, Николай Прокофьевич.

Н и к о л а й. Ничего, постою.

П л о т о в щ и к о в. Садись. Будешь отвечать - тогда встанешь. Ермолаева, начинай. Нина Павловна, прошу вести... парламентскую.

В е р а. Пожалуйста, товарищ полковник.

С т р а ж е в с к и й. Буду предельно краток. Мы - ваши постоянные заказчики - привыкли с глубочайшим уважением относиться к марке вашего предприятия. Тем печальнее данный казус. Казус, насколько мне помнится, беспрецедентный в практике наших отношений. Вот передо мной два документа, с ними все присутствующие уже знакомы Технические условия заказа и акт лабораторного исследования. (Надел очки.) Наименование детали: маховичок-эксцентрик со скользящей втулкой, материал - сплав РТ-200, количество - тридцать штук. Актом лабораторного исследования установлено: наличие биения вокруг оси вала при допуске до двух микронов - шесть микронов,

непараллельность плоскостей... Я полагаю, нет необходимости оглашать полностью? Здесь собрались взрослые, технически грамотные люди, которым незачем разъяснять, что в нашем деле подобное и даже менее значительное нарушение установленных допусков могло, в том случае, если бы оно осталось незамеченным, привести к последствиям, мягко говоря, пагубным. Вот все, что я считал своим долгом заявить.

В е р а. Вопросы?

Ф и л а т о в а. Вопрос к Леонтьеву. Твоя работа?

Н и к о л а й. Клеймо мое.

Ф и л а т о в а. Скажи, Николай, как это могло случиться, что ты сделал брак, да еще поставил на нем свою подпись?

Н и к о л а й (помолчав). Не понимаю.

В о с т р я к о в. Это не объяснение.

Н и к о л а й. Не объяснение? В таком случае, объясняю своей преступной халатностью. Подходит?

В е р а. Микола, не огрызайся. Отвечай спокойно.

Н и к о л а й. А я все сказал.

В е р а. Вопросов больше нет? Кто хочет слова?

К а с а т к и н. Разреши мне, Верочка.

В е р а (поморщившись). Пожалуйста, товарищ Касаткин. Покороче, если можно.

К а с а т к и н. Я - схематично. Товарищи! С тяжелым чувством, но с одновременным сознанием выполненного долга я возвышаю свой голос против Николая Леонтьева. Я его любил и - не постесняюсь это сказать - люблю до сих пор. Лично я Колю знал мальчиком, всегда смотрел на него как на свою достойную смену, гордился его успехами; если говорить откровенно, кое в чем он этими успехами обязан и мне, но кто это помнит? - это так, к слову, не в этом, как говорится, суть...

П л о т о в щ и к о в. Вот и переходи прямо к сути.

К а с а т к и н. Перехожу. Суть же, товарищи, вот именно заключается в том, что кандидат партии Николай Леонтьев начал свой кандидатский стаж с получения личного клейма, а кончил тем, что положил, если можно так выразиться, клеймо позора на всех нас. Проанализируем - отчего же это произошло? В чем, так сказать, суть?

П л о т о в щ и к о в. Ну, ну, добирайся уж до сути-то.

К а с а т к и н. Я скажу. Это произошло лишь только потому, что мы все, если говорить в порядке самокритики, необдуманно вознесли этого человека на не надлежащую ему высоту, в результате чего, как совершенно правильно указал Анатолий Акимович, в его психологии развились элементы индивидуализма и самоуспокоенности самим собой...

В е р а. Анатолий Акимович, насколько мне известно, еще не выступал и ни на что не указывал.

К а с а т к и н. Не перебивай. Указал в личной беседе. Исходя из этого... Ну вот - сбила...

В е р а. Никто тебя не сбивал. Что ты предлагаешь?

К а с а т к и н. Я предлагаю... минуточку!.. (Роется в своих записях.) Значит, так: рекомендовать дирекции завода специальным приказом лишить Леонтьева Н.П. права личного клеймения продукции. Далее: рекомендовать партийному комитету отменить решение партийного бюро цеха...

Ф и л а т о в а. Ну, это уж ты хватил!

К а с а т к и н. Хорошо, не настаиваю. Но, в таком случае, я считаю своим долгом довести до твоего и до всеобщего сведения, что я, как мне это ни тяжело и ни грустно, вынужден снять данную мною Леонтьеву рекомендацию. (Садится.)

В о с т р я к о в (поднялся с места). Я думаю, товарищи, что никого из нас не удовлетворили объяснения Николая Леонтьева. Это была типичная отписка, но не тот прямой, честный, открытый разговор, который надлежит вести рабочему-коммунисту перед лицом своих товарищей. Товарищ Касаткин пытался тут что-то об этом сказать, но со своей обычной непоследовательностью только все запутал. Между прочим: уважаемый Николай Иванович почему-то счел нужным сослаться на меня, и весьма неудачно, - я вам, насколько мне помнится, никаких указаний не давал. И вообще, между нами говоря, что это за стиль: "как правильно указал Анатолий Акимович", и тому подобное? Я пока еще не столь руководящая фигура, чтоб меня стоило таким образом цитировать, я такой же скромный работник, как и вы. Не надо так, товарищ Касаткин, - это производит плохое впечатление.

К а с а т к и н (почти с восхищением). Вот это - продал! Уста немеют.

В о с т р я к о в. Все вы знаете, что я связан с Николаем Леонтьевым длительной совместной работой и дружескими отношениями. Я с большим правом, чем некоторые другие, мог бы сказать, что мне тяжело выступать против него, но не в моем характере прикрываться жалкими словами. Нет, именно потому, что Леонтьев - мой товарищ, человек очень способный, человек, к мнению которого прислушиваются, я обязан со всей резкостью осудить его. Мы оказались бы политическими слепцами и обывателями, если б за технической ошибкой не увидели ее идейных, я бы даже сказал политических корней. Товарищу Леонтьеву желательно рассматривать свой тягчайший проступок как случайный срыв, причины которого - видите ли - он сам не понимает. А вы задумайтесь, товарищ Леонтьев, и постарайтесь

понять; если же у вас на это не хватит мужества мы вам поможем.

К а с а т к и н. Как говорит! Как говорит!

В о с т р я к о в. Спору нет, Николай Леонтьев - токарь самой высокой квалификации. Он человек культурный, теоретически подготовленный, обладает редкой универсальной широтой. Всё это - качества неплохие, плохо, когда оно превращаются в самоцель. Леонтьева уже не устраивает звание токаря, он именует себя резчиком по металлу, утверждая, что в области обработки металлов резанием он умеет все и может заменить любого рабочего. Возможно, это так и есть, но кому и зачем это нужно? Это нужно прежде всего самому Леонтьеву, чтоб люди ахали и охали, говорили про его золотые руки, сравнивали с тульским оружейником Левшой, Кола Брюньоном и прочими литературными типами и поражались его неповторимому искусству. Но советский завод не цирк и не кунсткамера, это современное предприятие, основанное на разделении труда, и центральной фигурой в нем является не кустарь и не фокусник, а обыкновенный рабочий, подчиненный ритму конвейера. Леонтьев с презрением относится к рядовому рабочему, той самой рабочей лошадке, которая тянет воз и дает план. До нее он не снисходит. Рядовой рабочий не подхватил его метода, стало быть, плох не метод, а рабочий, и Леонтьев, вместо того чтоб пересмотреть свой метод, упростить его, приспособить к реальным возможностям среднего рабочего - дезертирует, начинает вести себя как истеричный хлюпик, отказывается от пропаганды своего опыта и в конечном счете дискредитирует и себя и завод, создавший ему славу.

В е р а. Что ты предлагаешь?

В о с т р я к о в. Я полагал, что для Леонтьева будет достаточным предупреждением, если у него будет отобрано личное клеймо, а вопрос о его приеме в члены партии будет снят с повестки сегодняшнего собрания. Алексей Георгиевич со мной не согласился. Подумавши, я вижу, что прав-то был он, а я, грешным делом, слиберальничал. Если кандидат партии Леонтьев не откажется от своей порочной позиции - она должна быть разгромлена. Пусть собрание скажет свое веское слово. (Садится.)

В е р а (заметив, что Николай поднялся с места). Будешь отвечать?

Н и к о л а й (не сразу). Не хотел я говорить, но, как видно, молчать тоже не приходится. Не подумайте, что я защищать себя хочу или препираться, - этого у меня даже в мыслях нет. Наоборот, заявляю вам вполне официально: со всеми предложениями товарища Вострякова я целиком согласен.

В е н ц о в а (тихо). Хорошо.

Н и к о л а й. Востряков правильно говорит: обманул доверие - положи на стол клеймо. Не могу понять, что со мной приключилось, видно, был в тот день не в своей тарелке, затмение нашло... Однако признаю чистосердечно, а вас, товарищ инженер-полковник, заверяю честным словом, что свою вину в дальнейшем заглажу самоотверженным трудом. Ну, а до той поры, значит, - вот.

Вынул из кармана стальной стерженек, вздохнул и,

неловко поклонившись, положил на стол.

В е н ц о в а (тихо). Очень хорошо.

Н и к о л а й. Это ты, Толя, верно сказал: пусть собрание скажет свое веское слово. И я говорю - пусть скажет. Вон там, за стеной, полторы тысячи рабочих, коммунисты и беспартийные, цвет нашего завода. Пусть они нас рассудят.

В о с т р я к о в. Насколько я понимаю, вопрос обо мне не стоит.

В е р а. Товарищ Востряков, ты говорил - тебя не перебивали.

Н и к о л а й. Пусть нас рассудят. Ты меня дезертиром назвал. Я солдатом не был, не довелось мне воевать, - и, может быть, оттого страшнее, обиднее для меня слова нет. Враг мой не додумался бы меня таким словом уколоть - на это только бывший друг способен. Врешь, я не дезертир!

Вера стучит карандашом о графин.

Я никуда не сбежал. Растерялся спервоначала - это верно. Где уж тут движение возглавлять, дай бог самому с мыслями собраться. Чего же, думаю, сюит мой опыт, если он никому не светит. А ведь я от людей ничего не таил, сколько я объяснял и показывал: пока над душой стоишь - как будто дело и на лад идет, а чуть отойдешь - человек тушуется, теряет точность... Дело прошлое, я ведь и тебя, Толя, на помочах водил, а выучить толком не сумел, ты из цеха вовремя ушел, одному бы тебе - несдобровать...

В о с т р я к о в. Председатель!

Вера опять стучит карандашом о графин.

Н и к о л а й. Виноват. (Помолчав.) Стал я крепко задумываться: что же я за человек, верно ли я работаю и как мне работать завтра, потому что человеку обязательно надо видеть свой завтрашний день. Стало быть, ничего я про себя понять не смогу, пока не пойму главного - каким должен быть труд рабочего при коммунизме?

К а с а т к и н. Ну и как - понял?

Н и к о л а й. Понял, что с развитием техники перед рабочим есть только два пути. На одном пути рабочий становится рабом машины; он не может ее ни любить, ни понимать, он ей служит.

От него не требуется ни ума, ни таланта, ни уменья, он продает свое время, свою силу, свои нервы на вес. Теперь скажите мне - может быть человек счастлив при такой жизни? Я говорю: нет, не может. При коммунизме всякий труд должен быть радостью. Значит, наш путь другой. Конвейер! А кто сказал, что конвейер вечен? Придут на смену конвейеру автоматические поточные линии, они освободят человека от однообразного, нетворческого труда - и труд рабочего станет равным труду художника и ученого. Рабочий будет властвовать над машиной, но для этого он должен быть человеком образованным и мастером на все руки. И если мы хотим, чтобы средний рабочий этого достиг, его надо не натаскивать как медведя, а учить и воспитывать. Это я-то презираю рядового рабочего? И как у тебя язык повернулся мне такое сказать? Это ты все думаешь, как над ним возвыситься, а я хочу, чтоб ему было так же интересно жить и так же интересно работать, как интересно жить и работать мне. И если я стремлюсь стать передовым рабочим сегодня, так это для того, чтобы иметь право войти, как рядовой, в проходную завода при коммунизме.

П л о т о в щ и к о в. Молодец!

В о с т р я к о в. Слова хороши. Каковы-то дела?

Н и к о л а й. А вот мои дела: с тех пор как я стал работать один - даю продукции в полтора раза больше. Весной оканчиваю институт и остаюсь у станка. Через три месяца будет первый выпуск моей экспериментальной группы, сдадут испытания двенадцать человек. И каждый из них сможет делать все, что делал до сих пор я.

К а с а т к и н. Вот видите - и тут кустарщина! Официально заявляю, что эта группа создана помимо меня, и я ее рассматриваю как подпольную.

Смех. В двери стучат.

Ф и л а т о в а. Николай Иванович, не смеши людей. Партийное бюро в курсе работы группы. (Громовой). Ася, с кем ты там шушукаешься?

Г р о м о в а (приоткрыв дверь, вполголоса переговаривается через щель). Сейчас, сейчас, (Филатовой.) Татьяна Семеновна, семь ровно. Народу набежало - яблоку упасть негде.

Ф и л а т о в а. Скажи, чтоб давали звонки. Вера! Товарищи! Время.

В е р а. Вячеслав Алексеевич?

Ч а с т у х и н. Я в сложном положении, товарищи. Николай Леонтьев мой ученик. Дальше - уже несколько месяцев я являюсь ближайшим помощником Николая Прокофьевича по руководству экспериментальной группой. Наконец, я сам стал его учеником, правда, тринадцатым и самым неспособным, но таким же

убежденным, как остальные двенадцать. Не удивительно, что я полностью разделяю взгляды Николая Прокофьевича и, сознаюсь вам, намерен развивать весьма близкие взгляды в своем сегодняшнем докладе.

Звонки.

П л о т о в щ и к о в. Даю справку: партийный комитет утвердил тезисы товарища Частухина.

В е р а. Пожалуйста, товарищ полковник.

С т р а ж е в с к и й. Я с большим интересом слежу за разгоревшейся дискуссией. Но разрешите вернуть вас на землю. Комиссия создана для того, чтоб решить один конкретный вопрос, и ей надлежит принять то или иное решение.

П л о т о в щ и к о в. Полковник прав. У меня есть несколько вопросов. Можно?

В е р а. Пожалуйста.

П л о т о в щ и к о в. Вопрос к Леонтьеву. Где, когда и сколько раз ставится личное клеймо на готовой продукции?

Н и к о л а й. После шлифовки. Только на нерабочей поверхности и только один раз.

П л о т о в щ и к о в. В таком случае, чем объяснить, что на возвращенной заказчиком детали клеймо поставлено дважды? (Вынул из кармана лупу). Желающие могут убедиться.

Н и к о л а й. Не понимаю.

П л о т о в щ и к о в. Вопрос к Филатовой. Установлена дата изготовления бракованной детали?

Ф и л а т о в а. Двадцать пятого сентября.

П л о т о в щ и к о в. Что за день?

Н и н а П а в л о в н а. Понедельник. Вы заболели в воскресенье двадцать четвертого.

П л о т о в щ и к о в. Тяжелый день. Теперь я хотел бы задать вопрос товарищу Венцовой.

В е н ц о в а (поражена). Мне?

П л о т о в щ и к о в. Так точно. Я не случайно просил вас остаться. В журнале "Юный техник" от пятого октября помещено фото, изображающее знатного токаря товарища Вострякова в момент, когда он ставит личное клеймо на изготовленной им детали. Ваша работа?

В е н ц о в а. Да.

П л о т о в щ и к о в. Не помните, когда сделан снимок?

В е н ц о в а. Боюсь ошибиться. Вероятно, между двадцать пятым и тридцатым сентября.

П л о т о в щ и к о в. Скажите, товарищ Венцова, вы знали, что у Вострякова не было своего личного клейма и что в эти дни Востряков и Леонтьев уже не работали вместе?

В е н ц о в а. Знала. Я не придавала этому большого значения. Мне было известно, что Востряков должен был получить клеймо в самое ближайшее время. Я сама взяла клеймо у Леонтьева...

П л о т о в щ и к о в. Зачем же надо было устраивать такую спешку? Разве нельзя было подождать, пока Вострякову будет присвоено личное клеймо?

В е н ц о в а (мнется). Это верно... но...

П л о т о в щ и к о в. Я вам скажу, почему вы спешили. Потому что Востряков должен был со дня на день уйти с завода. И вы об этом знали. Последний вопрос. Не помните, как выглядела деталь, которую вы снимали?

В е н ц о в а. Нет. Как это можно помнить?

П л о т о в щ и к о в. Взгляните. (Пододвигает поднос с деталью и перебрасывает ей журнал.) Узнаете?

В дверь стучат. Громова со счастливым лицом бежит к двери.

Ф и л а т о в а. Ася, скажи, чтоб давали последний звонок.

В е н ц о в а (упавшим голосом). Теперь я вспоминаю... Я снимала дубль и заставила Вострякова еще раз приложить клеймо. Это ваша деталь, Анатолий Акимович.

Н и н а П а в л о в н а. У нас на волейбольной площадке в таких случаях обычно кричат: "Автора!"

В о с т р я к о в (встал, голос его дрожит). Товарищи! Я совсем забыл об этом случае. Прошу мне верить, что я без всякого умысла...

Ф и л а т о в а. Товарищ Востряков, будь покоен, мы во всем объективно разберемся, только не сейчас. Мы не можем больше задерживать собрание.

Звонки.

В е р а. Решений никаких выносить не будем?

П л о т о в щ и к о в (протянул Николаю стальной стерженек). На, возьми. Береги.

Н и н а П а в л о в н а (бросилась к Николаю). Миколушка, голубчик!..

Счастливого Николая окружают Нина Павловна, Частухин, Вера, Филатова, здесь же Прокофий Андреевич и Людмила, которые уже давно, приоткрыв дверь завкома, жадно слушали. В дверь ломятся. Сияющая Громова еле сдерживает напор. Все двигаются к выходу.

Ф и л а т о в а. Товарищи, минутку. Как же быть? В деле Леонтьева теперь не хватает одной рекомендации.

П л о т о в щ и к о в. Если товарища Леонтьева устроит рекомендация члена партии с двадцатого года, Алексея Плотовщикова, то можешь открывать собрание.

Наконец под напором толпы дверь распахнулась. Кто-то махнул платком - грянул "Марш новаторов", и под его ликующие звуки Николай Леонтьев вышел навстречу приветствующим его рабочим.

Конец

1950